

ТЕЛЕУТЫ

МБУ ЦБС Прокопьевского муниципального района
Каменноключевская сельская библиотека

В.М. Шабалин

ТЕЛЕУТЫ

Сборник статей

**Каменный Ключ
2016**

Шабалин В.М. - учитель истории и географии Каменноключевской школы с 1965 по 2003 гг. *«Отличник народного просвещения»*. Известен в Кузбассе как краевед, топонимист, исследователь Великой Отечественной войны, автор многочисленных научных и публицистических работ. Крупнейшими из них являются топонимический словарь «Тайны имен земли Кузнецкой», «Твоя улица, кузбассовец», «Вернулись с победой», «Сибиряки на поле Бородинском», «Сталинградцы Кузбасса».

Шабалин, В. М. *Телеуты [Текст] : сб. статей о телеутах/ В.М. Шабалин. – Каменный Ключ: МБУ ЦБС Прокопьевского муниципального района, Каменно-Ключевская библиотека, 2016. – 124 стр.*

ЭТИ ДРЕВНИЕ ТЕЛЕУТЫ

(документальное повествование о загадочном народе)

1989 год. Когда-то, лет тридцать пять назад, в жаркие июльские дни, работал я на прополке огромного пшеничного поля, в центре которого находилась небольшая деревня с непонятным, но звучным названием Телеуты. Мы, мальчишки и девочки 8-9 классов, жили в большущем амбаре на окраине села, но за целую неделю пребывания здесь никто из нас не додумался побывать в самих Телеутах, посмотреть на жителей. Кто-то из моих одноклассников, видимо, для устрашения наших красивых ровесниц, сочинял про здешних жителей страшные истории. Будто бы телеуты питаются мясом молодых особ женского пола, предпочитая отрезать у них, живых, некоторые части тела кривыми острыми саблями и тут же заглатывая отрезанные куски. Девушки визжали, плевались, лупцевали фантазера ядреными молодыми руками, но страх все-таки поселялся в их невинных сердцах. Ночами в их «девичьей» части амбара было тихо. Да и нам, парням, и даже самому фантазеру, часто представлялось, как подбираются к нашему жилью эти страшные телеуты с саблями наголо. Кое-что нам было известно о них. Кто-то из взрослых нам сообщил перед отъездом, что они – прямые потомки Чингиз-хана. Этого было достаточно, чтобы в устах одного из нас появился рассказ о людоедах с кривыми саблями. Но спасибо ему, теперь уже давно покойному Генке Бычкову, который придумал эту байку. Ведь благодаря этому вымыслу и название деревни, и таинственные его обитатели, и память об этой июльской неделе 1954 года остались в моем сердце и памяти на всю жизнь.

Год спустя я, студент филфака, только что ощутивший радость своего нового общественного положения, три первых сентябрьских дня прослушавший лекции в красном кирпичном здании нашего института, находился тоже на пшеничном поле, старательно нагружая старенький ЗИС великолепным пшеничным зерном. Недалеко от сжатого поля чернели избы деревни Беково, в которой, как мне стало известно в первый же день работы в Беловском районе, живут телеуты. Так уж вышло, что филологов каждую осень направляли на осенние работы в Беловский район, в котором мы то и дело слышали это красивое слово те-ле-у-ты.

Там я узнал, что тетеуты беловские и телеуты, живущие под Новокузнецком – один и тот же народ, что он родственен алтайцам, шорцам и еще каким-то народам. Телеутский парень, шофер Сергей, при котором я был грузчиком, большего объяснить не мог, да я особо и не допытывался. У меня не было тогда интереса ни к истории родной земли, ни к истории народов, которые здесь жили с древнейших времен. В памяти осталось только одно: в Беловском районе живут телеуты.

В конце 50-х – начале 60-х годов среди тех, кто заканчивал вузы или техникумы, еще встречались молодые люди, желавшие добровольно ехать туда, где можно встретить и преодолеть неслыханное количество трудностей как в процессе своей трудовой деятельности, так и в повседневной жизни. На нашем курсе таких нашлось три человека, среди которых оказался и я. Мы выбрали местом своей учительской деятельности сказочную Тувинскую автономную область, год спустя ставшую автономной республикой.

В столице Тувы, маленьком, но чистом городке Кызыле, мне предложили Бай-Тайгинский район, а точнее, среднюю школу районного центра, село Тээли. Я переспросил: «Как вы сказали?»- «Тээли», - с недовольством буркнула работница отдела кадров, пышноволосяя и пышнотелая русская дама.

Ни о чем долго не думая, я согласился ехать в Тээли. И только в самолете мне пришло в голову, что слово Тээли, наверное, родственно названию народа телеуты.

Уже в первые дни пребывания в Туве я узнал от тувинцев, что западнее их села, за могучим Шапшальским хребтом, отделяющим Туву от горного Алтая, живут племена (так и сказали старики тувинцы) телесов и теленгитов. Я им рассказал, что знал, о телеутах Кемеровской области. Они подумали, посоветовались, и все трое заявили, что о таких не знают. Через переводчицу, ученицу десятого класса веселую Чечек (цветок), я несколько раз переспросил аксакалов (седобородых). Ответ был прежним. Ничего о телеутах кузнецких не знают, о бачатских тоже. Тогда начал я их спрашивать о шорцах. Об этом народе старики знали. «Шор-кижи, шор-кижи», - повторил один из них задумчиво. Чечек перевела дальнейшие его слова: «Шорских людей я знаю, встречался с ними. Они охотники».

Узнав, что село Тээли названо так потому, что на этом месте когда-то в древности жили предки алтайских телесов или теленгутов, я успокоился. И все-таки где-то в подсознании росло убеждение в том, что и название Тээли, и имена народов телеуты, телесы, теленгиты, и название Телецкое озеро – одного и того же происхождения. Выяснить, так ли это, мне не удалось ни в Туве, ни в родной Кемеровской области, куда я возвратился через три года.

Волей судьбы ли, районо ли, но поселился я на долгие годы в крайнем углу Прокопьевского района, на станции Каменный Ключ, от которой по прямой на север до телеутских деревень Беловского района не более тридцати километров. Пользуясь электричками, связавшими мой Каменный Ключ с Барнаулом, Новосибирском, Беловом и другими городами и весями Южной Сибири, я часто встречал в вагонах скромных телеутских женщин, с котомками или сумками добравшихся то из Алтая, то из Новокузнецка в свои беловские деревеньки. Однажды, преодолев свою природную угрюмость, я разговорился с одной из них. Она ехала со своей десяти-двенадцатилетней дочерью. Мать ей говорила что-то на своем языке, девочка отвечала ей по-русски. Это меня и подтолкнуло к разговору. «Что, дочь не знает телеутского языка?» - довольно бестактно спросил я. Женщина

улыбнулась. «Знает, да не хочет», - был ее ответ. Разговорились. Да, они ездили в Горный Алтай, там живут родственники-телеуты. «Конечно, кто постарше, знает свой язык, а молодежь – кивок в сторону дочери, - плохо знают» - «Есть ли у вас национальные наряды?» - «Сохранились, и песни свои помним». - «В Беково есть школа и учителя-телеуты?» - «Нет, языка в школе не учат. Да и зачем. Где он может пригодиться?», - так или примерно так на чистейшем русском языке отвечала мне женщина. Она пристально вглядывалась в меня, как будто я когда-то был ей знаком и задала вопрос: «А вы сами не из телеутов?» Я ответил, что – нет, не из них, но считаю себя родственником телеутов. Ведь мой дед по матери был шорцем с Верхней Томи. Так что мы родня.

Это ее обрадовало, да и дочь стала с огромным интересом поглядывать на родственника. Я посоветовал девочке не забывать родного языка, используя при этом свои педагогические способности и свое красноречие. Она почему-то смеялась.

На лице ее матери появилось выражение тоскливое. Я подумал, что она на меня обиделась. Но нет. «И откуда мы взялись, телеуты? – сама себя спросила женщина, - никто не помнит, и книг нет. Узнать негде...» Я только посочувствовал женщине. Действительно, ни в массовых библиотеках, ни на полках книжных магазинов не найти книги о загадочном народе. А много ли книг о шорцах, алтайцах, ненцах? Тоже нет. Тоска в глазах женщины из деревни Беково задела меня за живое. Прошло с того дня уже десять лет, а я все помню ее печальный вопрос...

Первым движением моим в поиске информации о телеутах было обращение к последнему изданию БСЭ. Я надеялся, что энциклопедия подскажет, за какую литературу надо браться в первую очередь. Том 25-й я чуть не обнюхал, но статьи о народе телеуты не нашел. Удивительнее всего было то обстоятельство, что на странице 401, где должна бы находиться статья об этом народе, была короткая заметочка под заголовком «Телеутка», в которой рассказывалось, что это... «подвид обыкновенной белки, длина тела которой до 30 см, а хвоста до 40 см. Далее сообщалось,

что белка-телеутка населяет ленточные боры Алтайского края и лесостепи Сибири и Казахстана. Белка-телеутка воспевалась за то, что «имеет густой шелковистый голубовато-серый мех, более ценный, чем у других подвидов». Автор заметочки горько сожалел о том, что «при акклиматизации телеутки на Тянь-Шане, в Крыму и Белоруссии качество меха ухудшилось». Прочитав эту информацию, я подумал, что телеуты как народ встали в очередь «неперспективных» народов, народностей, этнических групп. На дворе был 1979 год. В расцвете была кампания расправы с неперспективными деревнями. Они в нашей области исчезали тогда пачками ежегодно. По аналогии мне и пришла в голову мысль о неперспективных народах. Действительно, если белка под именем телеутка ценна своим мехом и длинным хвостом, то чем могут похвастать телеуты? Только тем, что по имени их племени назван этот красивый зверек. Может быть, они и жили-то на свете ради того, чтобы существовало такое красивое название пышнохвостой белочки. Их, телеутов, мало, а белок много. Телеутов акклиматизировать незачем, а белок можно. С телеутами много мороки. Если попытаться сохранить их язык, фольклор и тому подобное, то ведь волокиты сколько. Вон даже с акклиматизацией их тезки не обошлось без хлопот. Увезли ее в теплые края, а мех-то ухудшился!

Поискал я в этом же томе статьи о теленгитах и телесах. Ведь жили же когда-то на Алтае эти племена. Отсутствовали такие статьи!

Обрадовала меня статья про Телецкое озеро. Коротко и ясно рассказано в ней о знаменитом водоеме, но почему оно так названо – ни словечка.

Итак, первая попытка узнать хоть что-то о телеутах окончилась неудачей. Что же делать? Опыт поисково-исследовательской работы у меня уже был. Много времени в 70-е годы я уделял поискам ветеранов Великой Отечественной войны, бывал в архивах, переписывался с десятками библиографических отделов библиотек страны, кое-какую литературу получал через МБА (межбиблиотечный абонемент). То есть – знал я, что

делать, если не встречу в энциклопедии, в другом ли знаменитом справочнике каких-то сведений, нужных мне.

Не буду пересказывать всего хода поиска литературы по телеутам. Скажу только, что дело это затянулось на годы. Причины, наверное, понятны каждому. Пока библиографические отделы (а они очень неторопливы) составили списки минимума литературы, пока я сделал запрос в одну, другую, третью библиотеки – прошли месяцы. МБА то одной, то другой библиотеки отвечали отказом. И не потому, что не хотели мне что-то выслать, а по той простой причине, что данной книгой не располагали.

Год спустя после начала поиска пришла ко мне первая книга, в которой я мог кое-что узнать о ставшем мне родным народе. Я не оговорился, назвав телеутов родным мне народом.

Шли годы. Материал накапливался. Исследование о прошлом телеутов убедило меня в том, что история малочисленных и малоизвестных народов не менее интересна и поучительна, чем тысячелетние пути-дороги миллионных народов, названия которых ежедневно произносятся во всем мире миллионы раз. Понял я, что народ незначительный, безвестный ни в чем не уступает народу многомиллионному, но превосходит его зачастую в упорстве, стойкости, в таких отраслях творчества, как фольклор.

Героический эпос телеутов, как и шорцев, ни в чем не уступает сказаниям крупных европейских народов, а по силе чувства, отраженной в них, не имеет себе равных. Убедился я и в том, что в «непросвещенных» XVIII – XIX веках жизни безвестным народам Сибири, и телеутам в том числе, уделялось куда больше внимания, чем в нашем XX веке – и цивилизованном, и просвещенном, и чуть ли не гуманном.

Сам список литературы, с которым я познакомлю тебя, читатель, пусть будет свидетелем этого обстоятельства.

Сразу оговорюсь, что литературы, специально посвященной телеутам, очень мало. В исследованиях сибиреведов и тюркологов, посвященных прошлому Южной Сибири, а также истории таких относительно крупных народов, как тувинцы, хакасы, алтайцы, как правило, есть материалы или упоминания о

телеутах, теленгитах, телесах. Это и неудивительно. Ведь телеуты временами своими действиями способствовали крушению великих государств древности или, наоборот, возникновению новых государственных объединений.

Уже в XVIII веке о телеутах в своем капитальном труде «История Сибири» писал русский академик, немец по национальности Г. Ф. Миллер, который знал и рассказывал о народах Сибири непонаслышке. Академик изъездил всю Сибирь, побывал у тех народов, о которых впоследствии писал с большим знанием дела. Переизданная в 1937 – 1941 годах его двухтомная «История Сибири» давно уже стала библиографической редкостью. Он первым информировал читателей о различных племенных группах, обитавших в Сибири в первой половине XVIII века, в том числе и о племенах телеутов, об их взаимоотношениях между собой, о связях с русским населением, об отношениях с русскими властями. Миллер описал и повседневную жизнь тюркских племен – и кочевников, какими были телеуты, и охотников-шорцев, и тех, кто занимался земледелием.

Младший современник Г. Ф. Миллера, тоже немец, И. Э. Фишер, в «Сибирской истории», изданной в Санкт-Петербурге в 1774 году, также солидное количество страниц уделил телеутам.

Материалы о телеутах также можно встретить в многотомной работе И. Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» Книга была опубликована вслед за трудом И. Э. Фишера в 1776 – 1777 годах. Иоганн Готтлиб (Иван Иванович) Георги, как и Миллер, в течение многих лет исследовал Сибирь. Он первым сумел обобщить те данные, что были собраны его предшественниками и им самим.

Упоминания о телеутах мы можем найти у друга И. Г. Георги, его соотечественника-немца, перешедшего на службу в Россию, Петра Симона Палласа в его книге «Путешествия по разным провинциям Российского государства», состоящей из трех томов и опубликованной в Петербурге в 1773-1788 годах.

Сегодня пора сказать, что российская наука о сибирских народах, в том числе и о телеутах, создана усилиями немцев,

перешедших в русское подданство. Став российскими учеными, они отдали новой родине не только все свои знания, ум, опыт научной работы, но и свои сердца. Без этого никто из них не мог бы создать труды, не утратившие своего значения и через два с лишним столетия.

Абсолютное большинство русских ученых XIX века, чья научная деятельность была связана с историей сибирских народов, опирались на монументальные работы Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, И. Г. Георги, П. С. Палласа. Без этих трудов они шагу ступить не могли. Традиция эта сохранилась и в веке двадцатом.

XIX столетие – время расцвета в истории науки о прошлом сибирских народов. Среди тех, кто посвятил свою жизнь изучению этносов Сибири, ее археологии, фольклора, истории ее народов – уже большинство представителей великой русской нации. Но гигантом среди тюркологов и сибиреведов возвышается все-таки фигура Василия Васильевича Радлова (Фридрих Вильгельм Радлов), который, как и его предшественники-немцы, принял русское подданство и посвятил свою жизнь изучению тюркских народов Российской империи. Если мы обратимся к его монументальным трудам, как «Опыт словаря тюркских наречий» (1893), «Наречия тюркских племен» (т. 1, 1866), «Письма из Сибири» (1881), к его многочисленным научным статьям, то мы встретим массу языкового, фольклорного и этнографического материала о телеутах, в поселениях которых он бывал неоднократно в начале 60-х годов XIX века.

Однако за несколько десятилетий до начала исследовательской деятельности В. В. Радлова, в 1821 году, появилась первая в истории тюркологии специальная работа о телеутах. Ее автором был Г. И. Спасский, известный в то время ученый. Называлась статья «Телеуты, или белые калмыки». Она невелика по объему, но значение ее переоценить нельзя. Дело в том, что в XVIII – XIX веках телеутов официально и неофициально называли «белыми калмыками», хотя они – тюрки – не имели ничего общего с монголоязычными калмыками. Заслуга Г. И. Спасского в том, что ученый восстановил исконный древний

этноним «телеуты», который практически к началу XIX века был утрачен самими телеутами. Ведь не случайно и сегодня телеуты, проживающие в Беловском районе, называют себя Пайат (Бачат) – по имени реки, на которой находятся их поселения.

Новые сведения о жизни телеутского народа в XV – XVIII веках имеются в труде Н. Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков...» Он повествует о взаимоотношениях телеутов с соседними народами, в том числе с монгольским Джунгарским ханством.

В талантливом труде сибирского историка П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (т. 1, 2, 1838 – 1844) рассматривается политика телеутских ханов по отношению к России и Джунгарскому государству. Автор пытается выяснить глубинные причины многочисленных зигзагов и повороты этой политики. Зачастую он находит верные ответы.

В середине XIX века среди народов Южной Сибири усиливается процесс христианизации. Ее проводят русские миссионеры. Люди здравого смысла и практической сметки, они приходят к выводу, что обратить в христианскую религию алтайских инородцев можно только в том случае, если они, миссионеры, сумеют овладеть языками алтайцев, телеутов и шорцев. Один из миссионеров, В. И. Вербицкий, до того увлекся изучением тюркских языков, что со временем превратился (по совместительству) в одного из крупных ученых-тюркологов. В его «Словаре алтайского и аладагского языков» (1884) имеется и телеутская лексика, а в книге «Алтайские инородцы» рассказывается о том, как телеуты и их соседи жили в середине XIX века.

Широко известно имя ученого-сибиряка Г. Н. Потанина, написавшего многочисленные статьи, издавшего много книг по истории народов Сибири. В таких его работах, как «Дополнения к третьему тому землеведения Азии» (1896), «Кузнецкий край», «Северные предгорья Алтая» (1884) рассказывается о торговых отношениях русских и телеутов, о причинах перехода части телеутов в русское подданство еще в XVII веке. Много внимания

уделяет Г. Н. Потанин героическим сказаниям телеутов, их легендам и вообще фольклору. Современник Г. Н. Потанина, тоже историк-сибиряк Н. М. Ядринцев, рассказывая о народах Саяно-Алтая, в том числе о телеутах, пытается увязать факты, изложенные в их преданиях, с историческими фактами. В книгах Н. М. Ядринцева «Описание сибирских курганов и древностей» (1883), «Древние памятники и письма Сибири» (1885), «Сибирские инородцы» (1891) повествуется о повседневном быте сибирских племен, об их культуре и хозяйстве.

Имена авторов названных трудов в XIX веке были широко известны не только в России. Книги историков Сибири публиковались во многих странах Европы. Они-то и стали базой для развития в Западной Европе сибирской тюркологии, истории, археологии и этнографии.

Ученые европейских государств с почтением произносили имена В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, М. Н. Ядринцева и других сибиреведов XIX века. Они понимали величие научного подвига наших соотечественников. К сожалению, мы до сегодняшнего дня не только не понимаем этого, но даже не пытаемся понять. За редким исключением не переизданы труды вышеназванных великих ученых и тружеников. Имена их известны лишь узкому кругу специалистов. Даже интеллигенты-гуманитарии имеют отдаленное представление об этих титанах науки. И никто не пытается вслух выразить простую мысль – пришла пора вспомнить о них, как вспомнили мы наконец-то о неизвестных народах Сибири.

Двадцатый век не оказался щедрым к народам Саяно-Алтая (и телеутам в том числе) ни в материальном, ни в нравственном отношении. В Первую мировую войну значительную часть шорцев, телеутов и прочих «инородцев» отправили на русско-германский фронт. В боях они не участвовали, занимались землеройными работами, готовя укрепленные районы, капониры для орудий, окопы для солдат. Немало умерло на далеком западе телеутов и шорцев. Последовавшие за Первой мировой войной революции и Гражданская война принесли телеутам и шорцам

новые страдания. Для них все происходящее на территории Кузнецкого уезда было непонятным. Их грабили обе воюющие стороны. Оставалось молиться Иисусу Христу, вспоминать своих старых богов и ждать.

Когда в стране наступил мир, вспомнили о национальном вопросе. В середине 20-х годов вновь потянулись ученые к стойбищам тюрков Сибири. Одной из первых побывала у телеутов этнограф и тюрковед из Ленинграда Н. П. Дыренкова. Впервые бачатские и алтайские телеуты встретились с женщиной, занимающейся наукой. Это их изумило до такой степени, что они стали рассказывать Надежде Петровне абсолютно все, что она у них спрашивала. В итоге этих бесед, наблюдений за жизнью телеутов Н. П. Дыренкова написала интереснейшую статью «Отражение материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев», опубликованную 10 лет спустя, в 1936 году. Другая ее статья «Материалы по шаманству телеутов» была напечатана только после Великой Отечественной войны, в 1949 году, восемь лет спустя после трагической гибели Н. П. Дыренковой во время ленинградской блокады.

Более счастливо сложилась жизнь современника Надежды Петровны Дыренковой историка народов Южной Сибири Л. П. Потапова. Его главные научные работы посвящены истории и этнографии шорцев, алтайцев, хакасов, тувинцев. Значительное место уделил Потапов телеутам в таких своих работах, как «Очерки по истории алтайцев» (1953) и «Этнический состав и происхождение алтайцев» (1969).

В обобщающей работе историка и этнографа Сибири Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» (1960) рассказывается о сеоках (родах) телеутов, о их родовом и племенном строе в XVII веке.

Особое место среди тех, кто когда-либо писал о телеутах, занимает историк А. П. Уманский. В течение десятилетий он изучает социально-экономическую историю телеутов. В полной мере используя труды предшественников, начиная с И. Ф. Миллера, А. П. Уманский включил в научный оборот обильные архивные

материалы Сибирского приказа XVII века, что позволило автору наполнить свои работы массой фактического материала из жизни русских и телеутов в XVII – XVIII веках. Итогом многолетней исследовательской деятельности А. П. Уманского явилась книга «Телеуты и русские в XVII – XVIII веках», изданная в Новосибирске в 1980 году.

Уманский изучает период, когда телеуты встретились с русскими, то есть время, относительно недалеко отстоящее от сегодняшнего дня.

Выдающийся востоковед XX века Лев Николаевич Гумилев занимался изучением древней истории телеутов еще с тридцатых годов. Этот удивительный ученый испытал на своем веку немало страданий. Годы и годы отсидел он в сталинско-бериевских застенках, знал унижения, голод и холод, но сумел сохранить в своей душе трепетное отношение к любимым тюркским народам Азии. В его замечательной книге «Древние тюрки», изданной в 1967 году, десятки страниц посвящены древним телеутам, обитавшим на огромных пространствах Великих азиатских степей. Стиль Гумилева выгодно отличается от стиля многочисленных историков XX века образностью, лиризмом и пониманием души тех людей, о которых он пишет. Книги Гумилева недаром называют его поклонники «поэтическими историями». Добросовестное отношение к историческим источникам досталось ему от школы великих историков России, а вот умение подать материал в достойной форме – несомненно, дар природы. Это вполне объяснимо, если напомнить читателю, что Лев Николаевич Гумилев - сын знаменитого русского поэта Николая Гумилева и гениальной поэтессы России Анны Андреевны Ахматовой.

Если тираж книг в XVIII – XIX веках установить невозможно, то это легко сделать в настоящее время. И вот что удивляет. Крайне крохотны эти тиражи. Так, «Древние тюрки» Л, Н, Гумилева изданы в количестве трех тысяч экземпляров. А ведь в России проживает свыше 10 миллионов лиц тюркского происхождения. Ну а разве мне, русскоязычному, неинтересно

узнать о древней истории предков шорцев, узбеков, хакасов? Книга Уманского «Телеуты и русские» издана тиражом в 1200 экземпляров. Как ни малочисленен телеутский народ, но и телеутам не досталось бы по одной книжке на душу. Где уж там русским удастся почитать... Микроскопические тиражи добротных научных работ и есть главное препятствие в развитии знаний народов о собственной истории.

В сталинско-брежневские времена дошло до того, что представители малочисленных народов при проведении переписей населения открещивались от своей национальной принадлежности. Так поступила значительная часть телеутов, назвав себя в 1979 году (тогда проходила перепись населения) алтайцами, татарами, русскими и т. д. Одного этого факта отречения от собственной национальности достаточно для осуждения тогдашней национальной политики в стране.

И все-таки на земле осталось несколько тысяч телеутов... Основная часть этого древнего народа проживает в Беловском районе Кемеровской области. Наиболее крупным телеутским поселением является деревня Беково. Ее второе, телеутское название – Крес-туу, что в переводе на русский язык означает «памятная или заветная гора, вершина». Недалеко от Беково расположено Челохоево или Ары-байат – «по другую сторону реки Бачат». Третье поселение телеутов русские называют Верховское. Его телеутское название Сас, что означает «болото». Название деревни Шанда краеведы переводят как «пыльная», что соответствует действительности в жаркое летнее время. Пятая телеутская деревня носит название Большой Улус. Название не соответствует ее величине. Имя это напоминает о том далеком времени, когда телеуты имели свое кочевое государство и называли его Улуг Улус, то есть «большое государство». Наконец, шестой и последний населенный пункт русские называют Новобачаты, телеуты именуют Таш комюр, что в переводе на русский язык означает «каменный уголь». И на самом деле земля бачатская богата залежами каменного угля высшего сорта. Живут телеуты и в самом городе Белово. Всего бачатских телеутов в

настоящее время насчитывается до трех тысяч человек... Вполне справедливы их требования о создании национального сельского совета, письменности на родном языке, изучения его в начальных классах. Незначительная часть телеутов живет в Заводском районе города Новокузнецка, там, где когда-то среди пшеничного поля лежала деревня Телеуты. Теперь, вот уже тридцать лет, здесь дымит и грохочет гигантский Западно-Сибирский металлургический комбинат.

Группа телеутов проживает еще в селе Крутое Заринского района Алтайского края.

Наконец, в Майминском и Шебалинском районах Горно-Алтайской республики мы можем тоже встретить телеутов. Между бачатскими и горноалтайскими телеутами в настоящее время имеются оживленные связи. Среди них много родственников.

В настоящее время численность всех телеутов превышает шесть тысяч человек. Интересно заметить, что сто лет назад В. В. Радлов численность бачатских телеутов определил в 2991 чел., а телеутов Горного Алтая – в 2791 чел. Всего во второй половине позапрошлого столетия проживало 5872 телеута, то есть столько же, сколько на всех территориях насчитывается их сейчас.

Отсутствие роста численности народа можно объяснить разными причинами. Но главная причина одна – процесс ассимиляции с другими народами, прежде всего с русским. Этот период переживают и другие малочисленные народы не только Сибири, но и всей страны. С этим поделаться ничего невозможно. В этом случае необходимо сохранить в памяти человечества историю уходящих народов, их язык, фольклор, элементы культуры. Кровь их будет течь в жилах потомков, которые будут называть себя, допустим, русскими. Кровь никуда не денется. Значит, остается сохранить в копилке человечества то, что сумели за тысячелетия своей истории телеуты. И самым ценным наследием их является язык.

Тема «Обрусение телеутов» или «Обрусение шорцев» никем пока не изучалась и потому я приведу собственные наблюдения и примеры, которые помогут читателю проследить

этот процесс, достаточно сложный и в то же время очень простой.

Длительное время в долине реки Ускат проживали телеуты. Об этом говорят не только исторические источники, но и названия рек, речек и населенных пунктов. Не вызывает никакого сомнения, что речка Карагайла названа так телеутами (на их языке название произносится Карагайлы – «богатая соснами» или «сосновая»). Ниже по Ускату в Прокопьевском районе и сейчас имеются населенные пункты Бурлаки, Кутоново. Их названия образованы от личных телеутских имен. В XVII – XVIII веках среди телеутов были распространены имена Бурлак и Кутон. На месте названных населенных пунктов в то время были стойбища телеутов Бурлака и Кутона, воспринятые и закрепленные позднее русскими жителями в названиях крупных деревень Бурлаки и Кутоново. Эти же личные имена превратились впоследствии в фамилии потомков, которые стали Бурлаковыми и Кутоновыми. В XVII – XIX веках телеуты Бурлаковы, Кутоновы, Адыбаевы, Таргаевы, Чичендаевы, Чечумашевы и другие, постепенно вступая с русскими в родственные отношения, сами становились русскими уже во втором – третьем поколениях. Но и сейчас, если пристально всмотреться в лица носителей вышеперечисленных фамилий, можно заметить признаки монголоидности: и скулы довольно широкие, и носы несколько курносые, и глаза не слишком широко открытые. Процесс обрусения шел сам собой. Никто его не регулировал, не ускорял и не замедлял.

Или другой пример. В том же Прокопьевском районе еще в 1913 году были два шорских населенных пункта - Калачевский улус (Калаш-улус) и Керлегеш, в которых рядом с русскими проживали шорцы-абинцы, в Керлегеше еще, кроме шорцев, проживало еще несколько телеутских семей. Прошло 70 с лишним лет, когда мне в конце 70-х годов удалось обнаружить, что это было именно так. Только фамилии жителей этих сел подсказали мне их происхождение. Младшее поколение вообще было удивлено вопросом о происхождении. Старшие согласились без особого энтузиазма – да, когда-то их предками были шорцы и телеуты. А ведь прошло всего 70 лет с того времени, когда их деды и прадеды

знали язык, помнили обычаи, навыки свои, национальность. Таких примеров только по Кемеровской области можно привести десятки. Тысячи и тысячи прямых потомков телеутов живут на территории Кузбасса, давно забыв о своем происхождении. В этом нет ничего страшного. Но лучше было бы, если бы они знали и помнили, что их далекие предки жили на этой земле, любили ее, воспевали и защищали, когда напал враг. Зная это, возможно, потомки древних телеутов и шорцев по-другому взглянули бы на реки земли Кузнецкой, изгаженные до последней степени, и на горы, изрытые стволами шахт и разрезов, и на леса, гибнущие под топором беспощадного лесопромышленного комплекса...

С телеутами Горного Алтая, перебравшимися сюда из Кузнецкого уезда в XVIII – XIX веках, происходит нечто подобное. Часть их ассимилировалась в русскоязычном населении. Другие вошли в состав алтайского народа. Родственные телеутам в древности телесы и теленгиты, проживавшие в глубокой древности в восточной части Горного Алтая, на границе с Тувой, в настоящее время, как и многие телеуты, вошли в состав алтайцев, хотя все еще имеют некоторые отличия в быту, в языке, в культуре. Высокие горы хранят их своеобразие. Надолго ли?

Немало телеутов еще в древности и в средние века вошли в состав тувинцев, хакасов, монголов, киргизов, многих других народов Центральной и Средней Азии. Надо удивляться только телеутам бачатским, которые сумели сохранить свою самобытность, живя в океане русскоязычного населения уже почти четыре века. Я думаю, этому способствовала та богатая историческими событиями древняя жизнь их предков. Их мудрые предки, видимо, в генах передали потомкам талант самосохранения в самых невыносимых условиях.

О племенах теле упоминается в китайских летописях Суйской и Танской династий еще в VI веке нашей эры, то есть почти полторы тысячи лет назад. Кочевали племена теле на огромных просторах от Большого Хинганского хребта на востоке до предгорий Тянь-Шаньских гор на западе. Территории современных Монголии, Алтая, Тувы, Забайкалья была сферой

обитания древних племен теле.

В китайских летописях племена теле именовались еще и другим термином. Еще в VI – V веках летописцы называли их племенами гао-гю (као-кю), что в переводе означало «высокие повозки». Китайцы имели основание называть древних теле этим именем. Древние кочевники теле, как и их предки хунну, для передвижения по степи использовали деревянные повозки на высоченных колесах. Тащили эти повозки медлительные степные быки. Когда перекочевки были массовыми, в степи стоял оглушающий скрип этих колес. На повозках был нехитрый скарб кочевников: юрты, посуда, сбруя... Рядом с вереницей двухколесных повозок, задремывая в седлах, ехали воины, в повозках были старики, женщины и дети. Сквозь скрип, ржанье лошадей, блеянье овец слышалась иногда медлительная песня о бескрайней степи, о скалах, покрытых вечными снегами. Кочевать теле – гаогюйцы могли где угодно, никто им в этом не мешал. Но не они были хозяевами своих бескрайних степей. В IV – VI веках здесь существовало государство жужаней, которым выплачивали дань племена теле. Жужанское государство было воинственным, оно бесконечно воевало с соседями. Нередко и воины теле-гаогюйцев вынуждены были становиться под знамена жужаньских каганов и совершать набеги на территорию Китая, который был главным объектом грабежа со стороны воинственных жужаньцев.

Теле-гаогюйцы по своей численности сильно превосходили жужаньцев. Они могли бы их разгромить, но единства среди теле не было, чем и пользовались жужаньские каганы. Жужаньцы не хотели и не умели работать. Теле-гаогюйцы занимались издревле скотоводством и гордились этим. Те и другие кочевали рядом, но мало походили друг на друга. Жужаньцы, несмотря на вражду с Китаем, многое переняли у великого южного соседа. Одевались они в шелковые халаты, носили золотые украшения, пили изысканные китайские напитки. Все это приобреталось путем грабежей и вымогательств, но развращающее действовало на хозяев степей, которые с презрением смотрели на своих подданных теле-гаогюйцев, не знавших китайских вин, не понимавших толк

в золотых украшениях и шелках. Жили теле точно так же, как их могучие предки хунну, которые стали известны древнему миру под именем гуннов, потрясших до основания весь Евразийский континент.

Политический строй и быт теле были примитивны, патриархальны. Они все еще выбирали своих племенных вождей, питались в основном мясом и молочными продуктами, одевались в одежды, изготовленные из грубо обработанной кожи. Не умели они хитрить и заниматься политикой, не хотели связываться с жужаньцами. И дань-то платили скорее всего потому, что хотели отвязаться от шумных, жадных, безалаберных соседей.

И все-таки терпение теле-гаогюйцев не было беспредельным. В 485 году жужаньский каган Доулунь решил в очередной раз напасть на Китай. Он нуждался в помощи со стороны гаогюйцев и потому приказал их вождю Афучжило готовиться к походу. Афучжило посоветовался с другими старейшинами. Было принято решение – в поход не ходить и отговаривать жужаньского кагана, так как последствия могут быть роковыми как для жужаней, так и для гаогюйцев. Эти соображения в почтительнейшей форме были переданы Доулуню. Тот пришел в ярость и велел казнить одного из знатных гаогюйцев, находящегося в гостях у кагана.

Казнь ни в чем не повинного сородича и друга потрясла не только Афучжило, но и всех вождей теле. Вспыхнуло восстание против жужаней. Афучжило заключает союз с Китайской империей. Чтобы обезопасить себя от нападения со стороны Доулуня, теле-гаогюйцы откочевывают на запад, в верховья Иртыша. Здесь они готовятся к решительным боям с жужаньцами. Афучжило объявляет себя «Великим сыном неба», приравнивая свою особу не только к жужаньскому кагану, но и к китайскому императору.

Боевые действия начинаются только в 490 году. Войска Афучжило продвигаются на восток, в глубь монгольских степей, союзная теле китайская армия теснит жужаней с юга и востока. Доулунь со своим народом и войском попадает в клещи. Он проклиная себя и окружающих; в ответ на известия о поражениях

то на восточном, то на западном фронтах каган приказывает казнить то одного, то другого из своих военачальников. Окружение ропщет. Среди вельмож зреет заговор, в результате которого взбалмошный и жестокий монарх погибает. Однако воинственные жужани сумели бороться со своими могущественными противниками еще долгих шесть десятилетий.

На волне успеха в войне с бывшими порабощателями племена теле создают собственное государство. Афучжило возглавляет его. Он не довольствуется титулом «Великого сына неба», но объявляет себя еще и императором. Однако пышность титулов не помогла Афучжило сохранить единство племен теле. Вскоре только что созданное государство распадается на две части: Северную и Южную. Вызван этот раздел, по всей вероятности, притязаниями знати южных племен на самостоятельность. Во главе северных теле остается Афучжило. Южное государство теле возглавляет один из вельмож с титулом «наследный государь».

И северные, и южные теле еще опасались жужаней, не замечая, что с запада им грозит новая опасность. В Средней Азии тогда существовало государство эфталитов, которое в 494 году напало на южное ханство теле-гаогюйцев и разгромило его. «Наследный государь» погиб, семья его попала в плен, а подданные разбрелись по степи куда глаза глядят. Часть их присоединилась к северному ханству Афучжило. Многие вновь попали в зависимость от жужаней. Эфталиты не удовлетвоались разгромом южных теле. В 498 году они нападают на владения Афучжило. В нескольких сражениях он терпит жестокие поражения. В конце концов «Великий сын неба» и «Великий император» пропадает без вести. Историки многие десятилетия ищут следы теле-гаогюйского государя, но все их поиски остаются тщетными.

Чего же достигли эфталиты, разгромив оба государства теле? Они расчистили себе дорогу для войны все с теми же жужанями. Ведь, несмотря ни на что, жужаньские каганы считали племена теле своими подданными, временно улизнувшими из-под власти своих господ. Жужаньский каган считал, что эфталиты не имели права грабить и громить его подданных. Такое право имел

он один.

Эфталиты одни с жужанями справиться были не в состоянии. Кто же мог им помочь? Конечно, теле-гаогюйцы. Победители быстро находят общий язык с побежденными. Теле по-прежнему люто ненавидели жужаней и готовы были объединиться для борьбы с ними с кем угодно. Эфталиты знали об этом. Они не стали посылать против жужаней собственные войска. Теле-гаогюйские воины должны были разгромить жужаней. Эфталиты остались на всякий случай в стойбищах своих новых поданных и союзников. Для того, чтобы окончательно победить теле-гаогюйцев, эфталиты позволили им иметь собственного государя, выбрав на эту должность одного из приближенных бывшего «Великого сына неба» князя Мивоту. Он оказался неплохим полководцем. Войска теле-гаогюйцев на этот раз наголову разбили ненавистных жужаней. Китайцы и на этот раз были союзниками племен теле. Именно они, а не эфталиты, сумели достойно наградить Мивоту за разгром жужаней. Он получил в награду 60 огромных кусков китайского шелка.

Во время битвы с жужанями погиб их каган Футу. Мивоту повелел отправить череп убитого китайскому генералу, своему союзнику, Мин Вэю. Таковы были нравы того времени...

Упрямые жужани не собирались капитулировать. Новый каган Чеуну долго готовился к продолжению войны. В 516 году он предпринял поход против Мивоту. Битва была жестокой. С обеих сторон погибли многие тысячи воинов. На это раз счастье улыбнулось жужаням. Император Мивоту попал в плен. Долго каган со своими вельможами придумывали форму казни. Наконец придумали. Ноги императора были привязаны к животу лошади-клячи. Ее стали гонять. Неизвестно, сколько времени длилась такая «казнь», но каган успокоился только тогда, когда ему доложили, что император Мивоту от тряски помер. Чеуну приказал дать пир в ознаменование такого прекрасного события.

После гибели Мивоту его место занял младший брат Ифу. Пять лет спустя он разгромил жужаней. Те бежали к своим извечным врагам китайцам. Китайский император... принял

беглецов. Для этого были веские причины. Дело в том, что в этот момент китайская империя Вэй переживала тяжелые времена. Подвластные ей племена татабов, проживавшие в Маньчжурии, подняли восстание. Силы империи были заняты другим делом. Татабы в любой момент могли ворваться в пределы империи. Жужани пришлось как нельзя более кстати. Китайский император любезно принял кагана жужаней Анахуаня, обещал ему золота, шелка, вина, прося взамен разгромить восставших татабов. Анахуань без раздумий согласился. Что же ему было делать, если, кроме обещанных подарков, император поклялся никогда не вступать в союз с теле-гаогюйцами. Анахуань разгромил племена татабов, многих из них завербовав в свою армию. Вдохновленные победой над татабами, нагруженные шелками, золотом, винами, жужани двигались на запад, чтобы вновь встретиться с теле и на это раз разгромить своих бывших подданных.

Для племен теле настали тяжелые времена. Все жужаньские войска были под знаменами Анахуаня. Ему не надо было заботиться о тылах. Китайцы на него не нападут с востока! Бывшие победители и союзники теле эфталиты заняты войнами у себя в Средней Азии. На их помощь теле-гаогюйцы тоже рассчитывать не могут. Анахуань заранее торжествовал победу.

Предчувствия не обманули Анахуаня. Теле-гаогюйцы сражались отчаянно. Однако оказалось численное превосходство жужаней. Победа осталась за ними. Император теле Ифу готовился к дальнейшей борьбе, однако под руководством его младшего брата Юегема готовился государственный переворот, в результате которого Ифу погиб. Занявший его место Юегем не обладал талантом полководца. Мастер интриги, он только и умел, что прятаться от приближающихся жужаней. Так продолжалось несколько лет. Подрос сын убитого Ифу. Вокруг него формировалась группа заговорщиков, которые и расправились с интриганом и трусом Юегемом. Однако юный император Биди был уже не в состоянии спасти государство. Жужани окончательно разгромили теле-гаогюйцев. Сами победители тоже были обескровлены. Вскоре Жужанское ханство было уничтожено.

Среди его подданных нашелся народ, сумевший окончательно покончить с агрессивной державой жужаней.

Честь разгрома Жужаньского государства выпала на долю народа, носившего имя тюркюты или тюрки, в китайских летописях тюкю. Жили тюркюты на южных склонах Алтая, длительное время платили жужаням дань. В основном – железом. Для жужаньских каганов тюркюты были главными поставщиками оружия и назывались «плавильщиками». Племя занимало незначительную территорию, и поэтому жужани не очень интересовались его внутренней жизнью. Между тем тюркюты усиливались. К ним со всей Великой степи бежали те, кто был обижен жужанями. Среди пришельцев было немало представителей племен теле, которые информировали тюркютских правителей о том, что происходит в степи.

К середине шестого века тюркюты почувствовали себя настолько сильными, а жужаней слабыми, что они решили бросить вызов своим господам. Вождь тюркютов Бумын вдруг обратился к кагану Анахуаню с просьбой выдать за него, Бумына одну из дочерей повелителя жужаней. Просьба потрясла Анахуаня своей наглостью. На какое-то время от ярости он даже потерял сознание. Ответ был таким: «Ты, мой плавильщик! Как ты осмелился сделать такое предложение?» Посол кагана, передавший эти слова Бумыну, и не подозревал, что вождь тюркютов все это подстроил намеренно, чтобы подтолкнуть Анахуаня к войне. Трагически сложилась судьба посла. Чтобы заставить кагана воевать, Бумын приказал отрубить послу голову. Война началась.

Между тем теле-гаогюйцы тоже были готовы скрестить сабли с жужанями. Узнав о намерениях тюркютского вождя Бумына, они предложили свои услуги. Тюркюты с охотой согласились сотрудничать. Еще до союза с теле Бумын сумел заключить договор с Китаем. Китайские императоры вновь были недовольны поведением своих бывших союзников жужаней. Последние не столько дружили с Китаем, сколько его грабили. Таким образом, против Жужаньского ханства вновь сложилась могущественная коалиция, и одной из главных сил ее были племена теле. Их

численность, несмотря на только что отгремевшие войны, все еще была значительна. По оценке историков, в середине шестого века теле-гаогюйцы могли выставить до 50 тысяч воинов, по тем временам это была огромная сила.

К 552 году для войны против жужаней тюркюты и теле были готовы. Бумын несколько раз провел смотр войскам и остался доволен. В беседах с вельможами из племен теле он льстил их народу, называя его не иначе как храбрым и мудрым.

Поход увенчался успехом. В решающей битве жужани дрогнули и побежали. Увидев позорное зрелище, Анахуань покончил жизнь самоубийством, не ожидая окончания сражения. Известие о смерти кагана повергло в ужас жужаньское войско. Значит, само небо против них. Началось повальное бегство.

Сын Анахуаня Яньючен со временем вновь собрал войско, но был разгромлен и сдался китайцам на милость победителя. В 553 году китайский император разрешил жужаням жить на территории империи, но с условием, чтобы они не смели грабить китайское население. Яньючен горячо поклялся выполнять распоряжение императора. Ему была дорога его молодая жизнь. Увы, жужаньские воины не собирались расставаться с ремеслом, которое им было хорошо знакомо и кормило их всю жизнь. Несмотря на запреты кагана, шайки жужаней грабили китайские деревни. В течение двух лет китайцы терпели. Император рассчитывал, что гости образумятся. Этого не произошло. В 555 году жужани все поголовно были изгнаны с территории Китая в степь, где их давно поджидали тюркюты и теле-гаогюйцы. Жужани были поголовно уничтожены. На этом и закончилась история этого агрессивного государства, которое некоторые историки называют «центральноазиатской Ассирией». И действительно, жужани, подобно древним ассирийцам, жили только за счет войн и грабежей, презирая труд, торговлю, вообще любое созидание. И потому судьба их сложилась также трагически.

Таким образом, на месте жужаньской державы возникает и стремительно растет территориально «Великий тюркский каганат», появление которого было не только итогом борьбы

тюркютов, но и пришедших к ним на помощь племен теле. Если тюркюты стали хозяевами степей Евразии от Маньчжурии до Дуная, то теле-гаогюйцы снова оказались угнетенным народом. Место жужаней заняла тюркютская знать. Разница в положении заключалась только в том, что новые господа говорили на родственном, понятном теле языке и происходили, по преданию, тоже от народа хунну. Для счастливой жизни под властью тюркютов этого было маловато. Ведь, поддерживая Бумына в его борьбе с жужанями, не только вожди теле, но и рядовые воины лелеяли мечту о собственном независимом государстве. Первые десятилетия под властью тюркютских каганов не были крайне трудными для теле-гаогюйцев. Их новые господа все-таки помнили, кто им помог обрести независимость. Дань была посильной, особых унижений теле не испытывали. Шло время. К концу VI века положение стало меняться. Тюркские каганы и их придворные все чаще стали унижать приезжавших в гости вождей племен теле, дань становилась все тяжелее. Теле стали роптать. Брожение продолжалось несколько лет. Наконец в 601 году несколько племен теле подняли восстание против тюркского кагана. Надо сказать, что к этому времени уже не существовало единого и могучего тюркского каганата. Он распался на Восточный и Западный. Восставшие теле весь свой гнев и ярость обратили против Западного каганата., властители которого пытались их разгромить, но безуспешно. В нескольких битвах войска западных тюркютов потерпели поражение. В 607 году вождь десяти племен теле князь Гэлэн объявил себя Великим ханом. Так вновь возникло государство племен теле... За борьбой тюрков и теле-гаогюйцев пристально следили китайские императоры. Им было выгодно появление нового государства в самом центре тюркютских владений. Тюрки, как прежде жужани, были для Китая беспокойными соседями. Нередко они совершали опустошительные набеги. Восстание племен теле против тюркютов китайцы поддерживали не только в нравственном смысле, но и материально, помогая новым союзникам оружием, золотом, разведывательными данными о сильных и слабых

сторонах противника. Впрочем, теле не нуждались в этом виде помощи. Они знали своего противника лучше китайцев.

Победив западно-тюркского кагана, Мохэ-хан пошел с ним на мировую. Война прекратилась уже в 608 году. Но не все вожди племен были довольны этим миром. Многие хотели продолжения войны. В стане победителей произошел раскол. Часть племен, открыто порвав с Мохэ-ханом, откочевала в пределы Восточно-тюркского каганата и покорилась ему. Мохэ-хан попытался найти общий язык с бунтарями, но безуспешно. Западные каганы, видя раскол в стане теле, постепенно готовились к реваншу. Лишь в 615 году они начали войну против государства Мохэ-хана.

Война длилась четыре года. Она развернулась на огромных пространствах нынешнего Восточного Казахстана, западной части Монголии и Китая. Побеждали то тюркюты, то теле-гаогюйцы. Западные тюркюты оказались все-таки сильнее. В 619 году теле были вынуждены просить мира. Они снова попали в разряд подданных. Прошло восемь лет. За это время западные и восточные (покинувшие Мохэ-хана) племена теле кочуют на территории Северной Монголии и Тувы. Они вновь находят общий язык между собой, их представители ведут тайные переговоры с китайскими императорами. Готовится мощное восстание против Восточно-тюркского кагана. Оно начинается в 627 году. Одновременно с юга и востока на территорию каганата вступают китайские армии. В результате активных совместных действий китайцев и теле в течение трех лет Восточный каганат был разгромлен. Это случилось в 630 году.

В который уже раз племена теле получают независимость и образуется их государство. Казалось, никто не помешает им жить свободно. Ведь в степях нет силы могущественнее их. Западные тюркюты попытались разбить теле, но сами потерпели сокрушительное поражение.

Неизвестно, какого могущества достигло бы государство теле, если бы между племенами вновь не возникли распри. Победители тюркютов начали междоусобные войны, что было на руку прежним союзникам-китайцам. Император династии Тан

всячески разжигал войну кочевников, ведя тайные переговоры то с одной, то с другой группировкой. Цель была проста – довести племена теле до такого уровня, чтобы без особых усилий навсегда покорить их, сделав своими подданными навсегда.

В 648 году территория государства теле была подчинена китайской администрации. Причем никто не стал сопротивляться, у племен теле просто не было сил. В междоусобных войнах они окончательно разорили себя. Сотни и тысячи женщин, детей и стариков умирали с голоду. Да и сами воины, число которых сократилось в несколько раз, не могли найти пропитания. Оккупация Китаем воспринималась и как наказание свыше, и как надежда на то, что хоть какая-то, но все-таки мирная жизнь восторжествует.

Китайская администрация разделила государство теле на 13 префектур (областей). Теле думали, что каждую из них возглавит китайский генерал с солидным гарнизоном, но вышло по-иному. Возглавить префектуры было предложено вождям племен. Во внутреннюю жизнь теле китайцы не вмешивались. Несколько лет китайцы не тревожили своих новых подданных. Собирали небольшую дань и только... Росли стада, увеличивалось население... Китайцы, дав теле «обрасти шерстью», стали забирать крепких и молодых мужчин в свою армию. Это была тяжелая дань. Редко кто из мобилизованных возвращался в родное стойбище.

Дань была не по душе никому из племен теле. Теперь начинается брожение против китайских императоров. Недовольные сговариваются не только между собой, но и с тюркютами, бывшими врагами. Повсеместно в Великой степи начинаются восстания. Китайские войска подавляют их, но, имея дело с объединением всех кочевников, бессильны достичь окончательной победы. Китайцы скрываются за Великой стеной, предоставляя тюркютам и теле возможность жить самостоятельно.

Несмотря на то, что инициаторами восстания и главной его силой были племена теле, инициативу создания государства кочевников взяли на себя малочисленные, но хорошо

организованные тюркюты. В 682 году было провозглашено создание Второго Великого тюркского каганата.

Первым делом его государи по старой памяти подчиняют теле. Те вновь выплачивают дань. Но недолго. Все 63 года существования Второго тюркского каганата длятся восстания теле. Эта «перманентная революция» привела к гибели каганата в 745 году. Больше он никогда восстановлен не был.

Наученные горьким опытом двухсотлетней борьбы за независимость, племена теле объединяются и создают новое государство. В истории оно получило название Уйгурский каганат по имени одного из племен, входивших в состав теле. Современные уйгуры являются отдаленными потомками тех древних уйгуров, как современные телеуты, телесы и теленгиты – потомками теле вообще.

Уйгурский каганат просуществовал почти сотню лет... И, как обычно бывало с кочевыми государствами, каганат вел бесконечные войны за расширение своих владений, за увеличение количества подданных. По своей агрессивности он ничем не отличался от Жужанского ханства или от Тюркских каганатов. Без войн уйгурские каганы жить не могли.

Уже в 746 году каган отправляется в поход против карлуков и тюргешев, кочевавших в степях Восточного Казахстана и Алтая. Оба народа были разгромлены, многие уведены в плен, остальные обязаны выплачивать дань.

В 751 году Уйгурскому каганату подчиняются токуз-татары, а год спустя войска теле переваливают через Саяны и начинают войну с енисейскими кыргызами и их союзниками чиками. Сибирские народы ожесточенно сопротивляются... Через семь лет борьбы кыргызы, наконец, капитулируют. Но победители видят в глазах этого народа такую ярость и жажду свободы, что каган приказывает казнить как можно больше мужчин этого могучего племени.

Если на севере теле встречают ожесточенное сопротивление, то на востоке им без борьбы подчиняется многочисленное монголоязычное племя киданей.

В 60-е годы VIII века Уйгурский каганат достигает вершины могущества и славы. Он является одной из великих держав того времени. Его территория превосходит возникшую в те же годы империю Карла Великого в Европе.

Каган Моячур, сознавая могущество своего государства, объявляет себя равным китайскому императору.

А в китайской империи Тан дела идут неважно. На ее земле бушуют междоусобные войны. Военачальники объявляют себя императорами. Законный император не знает, что предпринять. Близкие ему люди предлагают обратиться за помощью к кочевникам. Он долго колеблется. Наконец дает согласие. К уйгурскому кагану прибывают послы. Он давно уже догадывается, о чем будет идти речь. Ведь лазутчики кагана систематически доносят ему о том, как идут дела в империи Тан. Не колеблясь и минуты, каган дает согласие на расправу с врагами китайского императора.

Уйгурская кавалерия вторгается в пределы империи Тан. Враги законного императора разгромлены. Кочевники достойно вознаграждены, как когда-то жужани. Однако покидать Китай они не собираются. Каждый воин стремится увезти с собой в степь как можно больше разных полезных вещей. Каган смотрит сквозь пальцы на грабежи своих солдат. С величайшим трудом китайцы вытесняют кочевников за пределы империи.

Бесконечные войны не могли не сказаться на мощи Уйгурского каганата. Пока каган участвовал в китайских междоусобицах, вел войны на востоке и западе, в верховьях Енисея набирались сил енисейские кыргызы. Они не забыли жестокой расправы 758 года, исправно платили дань, играли роль верноподданных, не давая повода к увеличению гарнизонов. Одним словом, кыргызы сумели доказать свою лояльность каганам, исподтишка готовясь к решительной схватке со своими поработителями. 80 лет кыргызы копили силы. Их восстание было неожиданным для кагана. Попытка расправиться с кыргызами потерпела неудачу. Кыргызы сами перешли в наступление и в 840 году наголову разгромили войско кагана.

И вновь племена теле потеряли независимость. Теперь они стали подданными кыргызских ханов, государство которых стало хозяином положения в Центральной Азии.

Закончился период истории, насыщенный войнами, грабежами, потоками крови. Характерным для того времени было появление и исчезновение огромных государственных объединений. Ни жужани, ни тюркюты, ни их преемники – племена теле не в состоянии были долгое время удержать свою государственность не потому, что у них не хватало мудрости, мужества и настойчивости, нет. Время было такое, зарождался феодализм. Каганаты жужаней, тюркютов и теле как бы предвосхитили здесь, в Центральной Азии, возникновение гигантской феодальной империи Чингиз-хана.

Рассказывая о союзе племен теле, я до сих пор не назвал состав этого многочисленного объединения. А входило в него не много, не мало, а 17 племен. Названия их встречаются в китайских летописях. Приведу их полностью. Итак, в конфедерацию теле входили следующие тюркоязычные племена: сеяньто, вэйхо (уйгуры), тунло, пугу, апа, телеер, секие, толанко (поланге), кипи, атйе, хун, хуса (хусей), фуло, фуликю, тубо (дубо), гулигань (курыканы).

Как выяснили историки, специально занимающиеся судьбами древнетюркских племен, шесть из перечисленных семнадцати племен являются предками как современных крупных народов, так и незначительных по своей численности. Без особого труда читатель может догадаться, что древнее племя вэйхо (уйгуры) – предки довольно многочисленного уйгурского народа, проживающего ныне в массе своей на территории Западного Китая, то есть на родине своих далеких предков. Немало уйгуров живут на территории Казахстана и в республиках Средней Азии.

Один из крупнейших знатоков истории Южной Сибири Л. П. Потапов считает, что шорцы из рода аба, проживавшие в низовьях рек Кондома и Аба, являются прямыми потомками древних абинцев, входивших в состав союза теле. Он отмечает интересный факт обитания племени апа в эпоху тюркских каганатов

в районе Горного Алтая. Это предположение специалиста вполне оправдано, если учесть, что шорцы-абинцы по языку, быту, элементам культа имеют много общего с бачатскими телеутами.

Я не сомневаюсь в том, что представители племени телеер являются древними предками современных телеутов и телесов Горного Алтая, а южноалтайцы теленгиты – прямые потомки толанго (или доланго).

Но не одни только современные этнонимы телесы и теленгиты напоминают нам о древности телеутов. Немало географических названий, имеющих в основе слово теле (тэле), молчаливо свидетельствует о пребывании современных телеутов, теленгитов и телесов на просторах Центральной Азии.

В китайских документах горная система, ныне именуемая Алашань (Пестрые горы), в VIII веке существовала под названием Тэлэ шань (горы Теле). В Монголии и сегодня в озеро Упсу-нур впадает речка под названием Тэлин-гол – «река Теле». В бассейне реки Тесь имеется река Тэли. Как уже известно, в Туве районный центр носит гордое имя Тээли. В Казахстане расположено озеро Теле-кол – «озеро Теле».

И еще два этнонима привлекло мое внимание: тубо (или дубо) и гулигань.

Первый из них встречается в названиях реки Туба, что впадает в Енисей с левой стороны, в имени алтайского племени туба (во множественном числе тубасалар). Кроме того, на границе Тувы и Иркутской области с древних пор живет малочисленный народ тофа (тофалары), а рядом с ними тывакижи, то есть тувинцы. Все эти факты привели меня к выводу, что и географические названия типа Туба, и названия народов имеют общее происхождение от этнонима тубо (или дубо) какое-то время это племя обитало в Саяно-Алтайской системе, смешиваясь с обитавшими здесь южносамодийскими племенами, и исчезло, ассимилировавшись в их среде. Те, в свою очередь, усвоили язык тюрков, многие их обычаи, элементы хозяйствования тоже перестали существовать. Итогом этого длительного процесса было появление тюркоязычных предков современных тувинцев,

тофаларов, тубаларов (позднее вошли в состав алтайского народа).

Под именем гулигань скрываются древние курыканы, обитавшие в описываемую эпоху в бассейне Верхней Ангары. Позднее они перебрались далеко на север, где в среднем течении великой реки Лены обрели свою вторую и последнюю родину. Ученые давно доказали, что современные якуты являются потомками племен гулигань-курыканов.

Остальные 11 племен союза теле... Куда они делись? Погибли? Нет. Несмотря на бесконечные войны в средние века, не все люди находили себе могилу. Исчезали государства, прекращали свое существование даже крупные этносы. Ведь исчезли же с арены истории упомянутые 11 племен! Люди, из которых состояли этносы, волею судьбы, а чаще волей деспотов оказывались в составе других народов, иногда поодиночке, иногда группами, а иногда целыми племенами.

Видимо, подобная участь выпала и на долю большинства вышеназванных племен. Вне всякого сомнения, 11 племен из союза теле вошли впоследствии в состав предков народов Центральной и Средней Азии. Так что современные телеуты имеют родство по крови не только с алтайцами, тувинцами, якутами, шорцами, но и со многими другими тюркоязычными и монголоязычными народами Евразии.

После падения Уйгурского каганата большинство племен из союза теле в исторических документах не упоминается. Лишь в XIII веке в «Монгольском сказании» повествуется о племенах тенлек и тоолес, которые были завоеваны и были присоединены к империи Чингис-хана.

Казалось, что уже никогда не появится даже слово теле, и не проявят себя потомки свободолюбивых кочевников на сцене исторического действия.

Однако история не подвластна предвидению. История подобна реке, которая несет тебя по главному потоку, и, разбушевавшись во время половодья, забрасывает тебя так далеко от берега, что ты долго гадаешь: куда это я попал?

Такое произошло и с телеутами. В конце XVI - начале XVII

веков они кочевали на огромных пространствах Южной Сибири, от Иртыша на западе до Томи на востоке.

После разгрома Ермаком хана Кучумарусские стремительно продвигаются в глубь Сибири. В 1604 они сооружают Томский острог и становятся соседями кочевавших южнее телеутов. Можно удивляться энергии и расторопности томских воевод. Со времени основания Томска почти ежегодно отправляют они вверх по Томи отряды казаков и служилых людей. Цель проста – объясачить племена, живущие в верховьях Томи. При встречах томичей с аборигенами Притомья выясняется, что те вовсе не собираются платить неведомым пришельцам ясак. Правда, шорцы-абинцы во главе с князем Базаяком готовы к сотрудничеству. Им известно, что русские хорошо обходятся с живущими под Томском татарами эуштинскими, которые добровольно, по своей охоте, стали подданными России. Кроме абинского, в Шории было много других сеюков. Те – охотники и рыболовы – собирались быть двоеданцами. Ведь они уже платили алман (дань) телеутскому хану. Нередко приходилось откупаться шкурками и железом от князьцов енисейских кыргызов. Попробуй им не заплати – убьют или угонят в плен.

Даже тайши далекой Монголии не забывали время от времени врываться в долины Мрассу и Кондомы, требуя алман. В обстановке тройного грабежа «кузнецкие люди» (как прозвали русские люди шорцев за умение плавить железо) не горели желанием стать еще и подданными неведомого «Белого царя». Но русские (воеводы, служилые люди, казаки) по отношению к шорцам вели тонкую политику. Через того же Базаяка они внушали «кузнецам» мысль о выгоде от русского подданства. «Мы будем брать с вас ясак маленький, но защитим вас от всех напастей. Великий наш государь силен. Людей в России не считано. Обещаем вам мирную жизнь».

Аргумент о жизни без грабежей стал доходить до сердец шорских паштыков, а затем и до рядовых. Некоторые из родов стали платить ясак «Белому царю». Томский казак Ананьин радостно сообщал в Москву самому царю Михаилу: «и кузнецкие,

государь, люди, тебе, государю, шертовали (т. е. клялись – В. Ш.), и ясак с себя дали, и тебе, государю, ныне кузнецкие люди служат и прямят, и ясак государю дают».

И все-таки особых успехов в объяснении шорских сеюков русские не добились. В том же 1616 году другой казак Ивашка Теплинский вот что сообщал в Москву: «в Тюлиберской (Четтибер – В. Ш.), Абинской да Сарачеровской (Сарыг-Шорской – В. Ш.), да в Чорской (Шорской – В. Ш.), в Елеской (Челейской – В. Ш.), в Каргу (Каргинской – В. Ш.), да в Ковы (Кобыйской – В. Ш.) волостех кузнецкие, государь, князцы да лутчие люди тебе государь, ясак не дали и не шертовали, и меня, государь, холопа твоего, ограбили и платье поснимали».

Неустойчивость в отношениях с шорцами вынудила томских воевод в 1618 году построить кузнецкий острог. Но не только этим было вызвано появление Кузнецка на шорской земле. В Москве и Томске хорошо понимали, что новый город станет базой для проникновения на юг, в пределы Горного Алтая и на запад, в лесостепные и степные районы нынешнего Алтайского края.

Однако территории, упомянутые выше, в начале XVII века принадлежали хану «белых калмыков», как в то время русские именовали кочевников телеутов. Возглавлял степное государство Абак. Во время официальных переговоров хан называл свое государство «Большим улусом». Постоянная площадь «Большого улуса» в XVII веке была достаточно велика. По документам, «телеутская земля» включала в свой состав южные и центральные районы Новосибирской области, весь Алтайский край и Горно-Алтайскую автономную область, а также западные районы Кемеровской области, а именно бассейны рек Ини, верхнего Чумыша. Таким образом, территория государства Абака равнялась полумиллиону квадратных километров, то есть площади такого государства, как Франция.

Если учесть, что Абак в начале XVII века мог выставить до двух тысяч воинов, станет ясно, что в Сибири тогда, после разгрома Кучума, не было более крупного государственного

объединения, чем «Телеутская земля», что вынуждало томских воевод и саму Москву вести себя по отношению к телеутским ханам очень осторожно.

Едва узнав о существовании «Телеутской земли», дьяки московского Сибирского приказа посылают в адрес томских воевод Г. И. Писемского и В. Н. Тырнова подробнейшую инструкцию, в которой советовали «проведывать» о «белых калмыках» «где они кочуют и в которых местах и кто ими владеет и сколько их кочует и в одном ли месте или в разных и с кем у них ссылка» (то есть, с кем они общаются – В. Ш.)

Воеводам предлагалось собрать сведения о племенах, живших в верховьях Оби, требовалось выяснить также такие данные о тамошних племенах: «кто в них в землях князцы и мурзы и лутшие люди кто ими владеет и ясак емлет или живут себе (то есть самостоятельно – В. Ш.) и много ли ясачных людей».

Воеводам, служилым людям и казакам рекомендовано было привлекать в подданство «ласкою, а не неволею и не жесточью», а кого уже объясачили, «держати в береженье и ласке, чтобы их приучити и поити и кормити их государевы запасы и сукна им давать по их служению и про их проведывать не чаять ли (не собираются ли – В. Ш.) в них впредь какие шатости и измены».

Эти четкие и подробные установки по отношению к народам Сибири были даны еще при Борисе Годунове, в 1604 году. Но вот к власти пришел Лжедмитрий Первый. Казалось бы, какое дело беглому монаху Гришке Отрепьеву до телеутов, шорцев, татар? Удержаться бы у власти, но нет! Наказ Лжедмитрия Первого томским воеводам С. Бартаневу и И. Ржевскому выдержан в тех же тонах, написан тем же стилем, что и при Борисе Годунове.

Оба царские наказа были до мелочей продуманы, в них были заложены стратегические цели политики Российского государства по отношению к Сибири и ее народам на целое столетие вперед. Наказы царей-неудачников воеводы Томска и Кузнецка старались выполнять в течение всего XVII века.

Впрочем, ни Борис Годунов, ни Лжедмитрий Первый авторами наказов не были. Сочиняли эти приказы многоумные

и хитрые дьяки Сибирского приказа, крайне заинтересованные в том, чтобы ясак из Сибири в виде драгоценных шкурок не иссякал. Что-то и им лично перепадало. Стремление к увеличению количества шкурок, получаемых из далеких и холодных краев, водило пером дьяков, заставляло призывать к «ласке и бережению» в отношениях с инородцами.

Неизвестно как бы обернулись отношения России с телеутским ханом Абаком, если бы его независимости не грозили западно-монгольские и казахские феодалы.

В конце XVII – начале XVIII века в Западной Монголии шел процесс образования крупного и довольно агрессивного Джунгарского (или Ойротского) государства. Один из активных князьков-тайши Хара-Хула прибирал к рукам все больше владений. Для Абака, опытного политика, было ясно, что недалек тот день, когда Хара-Хула или его наследники обратят внимание на «бесхозную» телеутскую землю.

Западнее Большого Улуса Абака, за рекой Иртышом, кочевали многочисленные и воинственные племена казахов, от которых телеуты тоже не ждали ничего хорошего.

Предвидя возможные неприятности со стороны своих южных и западных соседей, Абак принимает решение о сближении с русскими, только что ставшими вдруг его соседями... Он имел представление о силе обитателей Томского острога. Пожалуй, никто другой, кроме Абака, не был так хорошо осведомлен о разгроме Ермаком хана Кучума. В глубине души Абак был благодарен русским за этот разгром. Ведь телеуты в результате этого разгрома приобрели подлинную независимость.

Когда в декабре 1605 года в ставку Абака, на правом берегу Оби, чуть ниже места впадения в нее Чумыша, прибывает первое русское посольство во главе с И. Поступинским, Абак встречает представителей «Белого Великого государя» с видимой радостью и широкой улыбкой.

После обмена подарками, взаимных вежливых вопросов о здоровье начались переговоры. И. Поступинский, недолго думая, сразу предлагает Абаку стать подданным русского царя. Хан

изумлен. Он никак не ожидал такой наивности со стороны посла. Разве можно звать одного государя, его, Абака, в подданство другому. Ведь они оба равны. Неважно, что у Белого царя воинов в сто или тысячу раз больше, чем у него, телеутского владыки. Однако ни один мускул не дрогнул на лице Абака. Больше того, он радостным и веселым голосом произнес слова, наполнившие радостью сердце неопытного русского дипломата.

- Я согласен стать подданным Великого государя.

Абак, чтобы окончательно ошарашить Поступинского, обещает в скором времени прибыть в Томск и дать там перед лицом воевод и русских «лутчих людей» шерть (клятву) на верность самодержцу России. На радостях Поступинский приказывает казаку Б. Константинову притащить в юрту Абака бочонок «горячего вина» (водки), о котором раньше Абаку и его приближенным ничего известно не было. Хитрость посла, припрятавшего до поры до времени драгоценную влагу, коробит Абака, но желание испробовать урус арага (русскую водку) так в нем сильна, что обида куда-то исчезает. И гость, и хозяин поднимают тосты за дружбу вечную, за торговлю, за мир. К концу дня только казак (он же переводчик) Константинов трезв. Все остальные спят, наполняя юрту хана многозвучием храпа.

Он крестится и сам засыпает довольный. Пока дела идут хорошо.

...Тщетно русские воеводы весной 1606 год ждали Абака со свитой... Он решил выждать, посмотреть, как пойдут дела у русских. Да и желания шертовать у него не было. Опасался телеутский хан и вероломства русских. Приедешь в Томск, а тебя возьмут и не выпустят, заберут в аманаты (заложники). Что тогда делать? Не дождались Абака в Томске и в 1607 году. И тогда терпенье воевод лопнуло. Обещал, и не едет! И вот в 1608 году послом к телеутам отправлен казак Б. Константинов. Воеводы говорят ему: «Ты язык знаешь, был у них, выведай о причинах Абакова молчания. Вином пои сразу, обещай, что просит».

Казак все усилия приложил, чтобы склонить Абака на сторону русских. Тот то соглашается (во хмелю), то отказывается

(когда протрезвится). Вернулся Константинов ни с чем. Воеводы ругались матерно, грозились кнутом побить казака, да не решились, уж очень он был им нужен.

Время идет. Уже новые воеводы В. В. Волынский да М. И. Новосильцев заправляют делами Томского острога. 1609 год наступает. Абак к русским не едет. Воеводы отправляют к нему на этот раз особое посольство. Возглавляет его опытный дипломат И. Коломна. В составе делегации не только русские казаки и служилые люди, но и князец Тоян, добровольно со своими эуштинскими татарами вступивший в подданство еще в 1604 году. Он рассказывает Абаку о том, как ему хорошо под властью русского государя. И ясак они пока не платят, и защищены от нападений, и стали жить оседло. Абак давно знал Тояна и верил ему. Ведь тот был не только равным ему по положению (князь!), но и говорили они практически на одном языке и даже были отдаленными родственниками. Пожалуй, влияние Тояна было решающим на Абака. Тот клянется летом быть в Томске со своими мурзами и «лутчими людьми»... Это уже не игра!

Посол И. Коломна дает принародно клятву Абаку, что ни в коем случае его, хана «Телеутской земли», в Томске не задержат, с честью встретят и проводят.

И все-таки не доверительные беседы с Тояном, не клятва И. Коломны повлияли на решение Абака ехать в Томск. Усилилась угроза с юга, со стороны западно-монгольских феодалов, время от времени во владениях Абака в Кулундинской степи кочевали казахи. Все это подтолкнуло хана к договору с русскими. Он надеялся в случае нужды опереться на их помощь.

31 марта 1609 года в сопровождении русского посла И. Коломны Абак прибывает в Томск, вместе с ним – его приближенные, охрана, советники, слуги.

В торжественной обстановке воеводской избы телеутский хан дает шерть, в которой обещает «бытию под царскою высокою рукою неотступно, служить и прямить ему, ходить в походы на его непослушников».

В свою очередь Абак обратился к воеводам с такими

просьбами: в случае необходимости кочевать поближе к Томску, по левому берегу Томи, чтобы русские не вздумали брать ясак с его подданных, а в случае нужды дать ему в помощь русских воинских людей... Он поделился с воеводами опасениями, рассказал о возможности нападения и на русских, и на телеутов со стороны монгольского хана Алтына, джунгарских тайшей и казахской орды. Договорились о взаимодействии и помощи.

Во исполнение царских наказов воеводы дали Абаку «государево жалованье», которое состояло из «однорядки малиновой, рубахи золотой, колпака да сапог» а приближенные Абака получили по солидному куску материи да «по однорядке пословской».

Конечно же, в полное владение телеутского хана и его придворных выдано было в качестве жалованья по несколько бочонков «горячего вина» и «пресного меда».

Веселой, пьяноватой толпой, в новых одеяниях-однорядках, ехали телеуты к себе домой в апрельские теплые дни 1609 года. Ни сам хан, ни его приближенные не знали, какие впереди грядут события, как труден будет путь сближения с русскими, сколько послов перебивает у Абака, сколько крови прольется. Они смеялись и пели, а кони гарцевали и ржали.

Вообще о роли горячего вина стоит сказать особо. Дарили его русские не только телеутам. Хорошо знал вкус водки знакомый нам князец Тоян и его подданные из Эушты. Не забывали русские сборщики ясака время от времени угощать водкой и шорских паштыков. На всех это дипломатическое зелье действовало таким образом, что русские становились хотя бы на время друзьями своих новых знакомых и подданных. Придуманная русскими в тяжкий для них 1242 год, водка служила им верой и правдой при спаивании татарских наместников-баскаков в XIII веке, при угощении ханов Золотой Орды вплоть до ее разгрома. Жаль, что не нашлось в пору Брежнева (как известно, запойно-застойную) ни одного ученого мужа, который бы соорудил и защитил диссертацию на тему «Роль российской самогонной водки в становлении и расширении Государства». Может быть, когда-

нибудь кто-нибудь что-нибудь подобное напишет...

Я не хочу сказать, что те, кто пришел в Сибирь в XVII веке, хотели сделать алкоголиками местные народы. Они хотели другого – объяснить их, ну а какими методами – это другое дело. Ниже мы увидим, как к водке относились преемники Абака. Заранее скажу – с пристрастием.

Чтобы продемонстрировать свои собственные силы и верность новому союзнику, хан Абак уже летом 1609 года громит племя кужегетов. Последние неожиданно напали на эуштинских татар, что жили под Томском, побили их и ограбили. Телеутский хан с несколькими сотнями своих воинов перехватил кужегетов при подготовке тех к переправе через Томь в районе нынешней Юрги. Кужегеты были «погромлены», скот и прочее имущество, а также пленные возвращены эуштинскому хану Тояну, который сердечно благодарил Абака за своевременную помощь. Тоян ходатайствовал перед томскими воеводами о награждении Абака. Они послали Абаку сукна, однорядки, «горячее вино» и мед. Узнавший об этом тобольский воевода И. Катырев (фактически самодержец русской Сибири) распорядился о дополнительной награде Абаку за его доброе дело.

В последующие пять – шесть лет между телеутами и русскими развивается товарный обмен. Степняки пригоняют в Томск десятки голов крупного рогатого скота, много лошадей и овец. Все это русские обменивают на медные и чугунные котлы, топоры, лопаты, иглы. Чуть позже при обмене появляются различные виды тканей, от простого русского холста до «аглицких сукон». Обе стороны довольны торговлей. Она нужна телеутам, которым негде взять, например, ткани, необходима она русским, которые еще не научились разведению скота в условиях Сибири. Телеутские породы скота, приспособленные к местным условиям, стали основой развития сибирского животноводства. То же можно сказать и о телеутских степных лошадях и овцах.

К великому огорчению телеутов и их хана, русские оказались безучастными к их просьбе о продаже огнестрельного оружия. Кстати, на это и рассчитывал Абак, давая шерть русскому

царю. Не удалось. Почему же воеводы не решились предоставить телеутам порох, пищали, пушки? Причина лежит на поверхности: они не доверяли местным племенам. Шерть шертью, обмен послами, торговые отношения – все это хорошо, но оружие?.. Оно могло, попав к телеутам, быть использовано против русских. Примерно так размышляли воеводы и были правы. Как мы увидим ниже, отношения с телеутскими ханами были неровными, такими неровными, что и крови прольется немало с обеих сторон.

Вершиной в отношениях сибирских властей и Большого Улуса был совместный поход против князьков енисейских кыргызов, который состоялся летом 1615 года. Кыргызы часто нападали не только на русские поселения, но и на владения Абака. В одиночку ни у телеутов, ни у русских воевод бороться с кыргызами сил тогда не хватало. Идея похода пришла Абаку, русские его поддержали. В походе участвовало до 400 воинов-телеутов. Русских служилых людей и казаков было не более 220 человек. В нескольких сражениях кыргызы были разбиты. Абаку достались значительные трофеи, из похода он возвращался на лихом скакуне кыргызской породы. Десятки ясырей (пленных) были его добычей. Среди них – девушка Алтын Чараш (Золотая красота)... Абак представлял, как зло будут смотреть на нее его старшие жены, и это радовало его немолодое, но все еще горячее сердце. Две старшие жены ему уже порядком надоели: стары, много ворчат, смеяться не умеют, все больше жуют да араку пьют. А эта – красива и веселой будет. Алтын Чараш ехала рядом, и хан время от времени поглядывал на нее. В ее глазах он не замечал особой грусти. Да отчего ей было грустить? Она еще маленькой девочкой была похищена одним кыргызским князьком в Туве, ни отца, ни матери не помнила, все кругом чужие... В Абаке она увидела нового хозяина, ласкового и заботливого... Хан напевал вполголоса любимую песню о широкой степи, лошадях, пасущихся на траве, о красоте девушек, подобно свистящей стреле поражающей сердца воинов. Абаку было за пятьдесят. Совсем недавно ему казалось, что жизнь фактически пришла к концу. Удачный поход, красавица Алтын Чараш настроили хана

на другой лад, теперь он сам себе казался молодым и красивым. И в самом деле, хан Абак был еще красив и силен. Его черные, большие, пытливые глаза, казалось, смотрели прямо в душу человека, они были то беспредельно добрыми, то яростными, как огонь костра. Никто из подданных никогда не видел эти глаза безразличными, унылыми или усталыми.

Зимой 1615-1616 годов приближенные Абака постоянно дрожали. Хан гневался. Даже Алтын Чараш, ставшая любимой женой хана, боялась приласкаться. Если вельможи знали о причинах ярости Абака, то юная Чараш не ведала, что ярость в нем вызывают действия томских воевод.

Давая шерть весной 1609 года, хан не предполагал, что русские оставят его без поддержки в случае нужды. Но вот в 1611 году неожиданно на телеутские стойбища напали кужугеты, которые мстили телеутам за погром 1609 года. Тут же Абак послал в Томск верного Саганак с просьбой о помощи, сообщая, что с кужугетами – ряд кыргызских князьцов, есть даже ойраты. Воеводы обещали помочь, Саганак вернулся веселым, но... помощи не было. С трудом Абак изгнал кужугетов и их союзников из своих владений. Однако те успели захватить в плен немало телеутских семей да изрядное количество скота. Особенно страдал Абак из-за того, что угнано было больше сотни скаковых лошадей, так пригодившихся бы ему во время боевых действий. Тогда, в 1611 году, показалось Абаку, да и воеводы уверяли, что помощь от русских не прибыла случайно. Но через несколько месяцев, когда на Абака напал Печей Тархан, повторилась та же история.

Третий случай для телеутов был тоже горестный. Джунгарский тайши Хара-Хула (Черный Хула) разгромил войско Абака. Много телеутов погибло, сам хан Абак еле спасся. Томские воеводы и пальцем не пошевелили, чтобы прийти на помощь.

И все это происходило до 1615 года, а он, Абак, продолжал верить людям Белого царя, и даже в поход с ними ходил. Особенно возмущало хана то обстоятельство, что после его шерти русские активизировали свою деятельность в верховьях Томи и на ее

притоках. Все шорские сеоки он считал своими кыштымами (данниками). И вдруг уже после шерти он узнает, что паштык шорцев-абинцев Базаяк покорился русским, стал им платить ясак. Для Абака и его приближенных потеря кыштымов-шорцев была ощутимым ударом по материальному благополучию. Он лишился сотен соболей, тысяч белок. С потерей данников-шорцев он терял мастеров кузнечного дела, поставлявших телеутам холодное оружие, некоторые виды посуды и орудий труда... Остаться безоружным для Абака, как и для любого кочевника, было невероятной, страшной бедой.

В 1616 году, узнав о шерти русским некоторых шорских паштыков, Абак предпринимает ряд решительных антирусских акций. Объединившись с князцом Пегим-тайши, телеуты нападают на Чатский городок, в котором вместе с русскими проживали дружественные им чатские татары. Русские и чаты во главе с И. Хлопиным стойко обороняются, терпя «великую нужу», но «отсидел городок» в течение трех недель. Сказалось превосходство не только в оружии, но и в организованности и дисциплине.

Потерпев неудачу в чатском походе, Абак решает покарать шорцев за то, что они перешли в русское подданство. Здесь ему сопутствует успех, никто ему не сопротивляется. Хан приказывает взять в плен десятки шорских семей, грабит подчистую бывших своих кыштымов. Русские не в состоянии помочь своим ясачным. У них в Верхнем Притомье нет ни острога, ни войска. Что делать? Как уберечь шорцев от набегов Абака? Воеводы решают немедленно строить острог на территории Шории. Уже в 1618 году появляется Кузнецкий острог. Было бы неверно думать, что только Абак был недоволен действиями русских. Рядовые телеуты в мирные годы часто наезжали в Томск для торговли с русскими, о чем речь шла выше. Вскоре телеуты стали замечать, что орус кижы (русские люди) обманывают их. Так «друг степей» за маленький бочоночек «горячего вина» должен был отдать два соболя. Хочешь быть веселым – плати, не скупись. Пять русских иголок стоили шкурки горностая, а чтобы приобрести медный

котел, (дефицит в XVII веке), требовалось заполнить его до краев шкурками соболей. Первое время телеуты не замечали обмана, потом сообразили, пытались объяснить русским, но те только смеялись – не хошь – не бери... Телеуты жаловались Абаку. Тот старался не замечать жульничества. Но с 1616 года торговля прекратилась.

Русские воеводы понимали причины недовольства телеутов. Будучи людьми неглупыми (да и Москва подгоняла), они стремились разрешить конфликт мирными средствами, вновь обрести если не дружбу, то доверие телеутского хана.

Неизвестно, чем кончились бы попытки воевод наладить отношения с Абаком, если бы не угроза, нависшая над Большим Улусом со стороны джунгарского тайши Хара-Хулы. Воинственный Хара-Хула в те годы терпел поражение за поражением от хозяина Центральной Монголии Алтын-хана, с запада Хара-Хулу теснили союзники Алтын-хана, вожди Казахской орды. Черному Хуле пришлось отступать на север. Так он с войском, людьми и стадами очутился в Кулундинских степях, которые входили в состав Большого Улуса. Несмотря на тяжелые поражения, Хара-Хула имел достаточно сил, чтобы разгромить Абака и захватить все его владения. Русским властям потеря своего противника-союзника и обретение нового соседа, могущественного Хара-Хулы было делом очень неприятным. Недолго размышляя, воеводы решили оказать помощь Абаку в его возможной борьбе с пришельцами из Западной Монголии.

Вновь желая показать русским свое миролюбие, в декабре 1620 года Абак присылает в Томск своего верного Саганак. Тот сообщает воеводам данные о силах Хара-Хулы и предупреждает, что джунгарский тайши в любое время может напасть не только на телеутов, но и на русские поселения, в том числе и на русский острог.

Дружественный поступок Абака не остается без внимания. Вместе с Саганак в ставку телеутского хана едет посольство во главе с Б Карташовым... Абак встречает посольство русских «по чести», кается в собственных грехах, дает новую шерсть, в которой

клянется «ходить и людей своих посылати, вде государь велит». Но этого Абаку кажется мало. Он лично провожает русское посольство назад в Томск, и не напрасно. По дороге на посольство нападает князец Оржак Кокеш. Абак со своей дружиной спасает русских от верной гибели. Хан в этом бою получает ранение. В знак особой дружбы к русским вскоре Абак посылает в Томск в качестве аманата (заложника) своего отчима. Чтобы наверняка закрепить дружбу с русскими, Абак в 1621 году вновь воюет на их стороне против непокорных племен тубинцев, моторов и качинцев, проживавших в бассейне Енисея.

Возобновляется русско-телеутская меновая торговля. И все-таки в отношениях нет-нет да вспыхнут нотки неприязни. В марте 1621 года кузнецкий воевода Т. Бабарыкин посылает к Абаку послом Я. Захарова. Тот требует возвращения насильно уведённых шорских семей. Хан, не задумываясь, отвечает отказом, заявляя, что шорцы являются его кыштымами.

Мирные отношения просуществовали только три года. Из кулундинских степей, от Хара-Хула, угрозы Большому Улусу больше не существовало. Абак воспрянул. Особенно несчастным для русских и телеутов был 1624 год.

В мае люди Абака угоняют из-под Томска несколько казачьих лошадей. Во время стычки несколько русских получают ранения; не успели томичи пережить этот трагический случай, как произошло еще одно событие, потрясшее уже телеутов. Русские служилые люди Е. Заболоцкий и И. Белоголов на речке Мончун взяли в плен телеута Томаткула «за двумя его сынами». Абак возмущался этим произволом. В отместку он посылает отряды в Шорню и собирает с ее жителей алман не только шкурками, но и железом. Не довольствуясь собранным, сборщики грабят шорцев начисто, обрекая их на голодную смерть.

Томские воеводы не проявляют воинственности. Наоборот, посылают к нему в качестве посла И. Белоголова, который совсем недавно пленил Томаткула. Это так взбесило Абака, что он отказался от встречи с послом. Для тех времен факт неслыханный. Враждебное отношение хана к русскому послу

мгновенно отразилось на отношении к тому же послу со стороны телеутов. И. Белоголова ограбили, а одного из русских казаков Л. Алексеева, пытавшегося остановить грабеж, убили.

Положение русских усугубляется тем, что среди шорцев усиливается возмущение. Они открыто высказывают недовольство тем, что русские не оборонили их от нашествия Абаковых людей. Ведь только на это надеялись их паштыки, когда давали шерть русскому царю. Шорцев можно понять. Они не только были ограблены людьми Абака, но их семьи «мучат и в полон емлют, а иных секут». Могли ли все это молча терпеть шорцы? Нет. Они грозят русским тем, что не будут больше платить ясак.

Под влиянием набегов телеутов на русские владения шатания начались в среде ясашных тюркских племен, именовавшихся тогда азкиштимцами. Они были близкородственны как телеутам, так и шорцам и проживали на территории нынешнего города Кемерово, на правом берегу реки Ини, в верховьях Чумыша. Немало семей азкиштимцев убежало тогда в телеуты.

Все эти события показали русским властям Сибири, что обстановка складывается крайне тревожная. Воеводы Кузнецка и Томска вновь предпринимают попытку примириться с Абаком, посылая к нему в качестве посла зуштинского татарина, владевшего телеутским и русским языками, мурзу Янсара. Как когда-то его родственник Тоян, Янсар горячо берется за дело. Не один день и не один бочонок «горячего вина» понадобились хитрому Янсару, чтобы добиться от Абака согласия вновь вести с русскими переговоры. Хан направляет в Томск двух приближенных Куренака и Урлея. Те приближаются к Томску «с опаской»: а вдруг русские схватят их и отрубят им головы? Но переговоры идут успешно, обе стороны находят общий язык. Куренак и Урлей в хорошем настроении и встречают хана... в тяжелом настроении. Он гневается на русских, которые только что убили под Кузнецком двух невинных телеутов.

Куренак и Урлей пытаются успокоить хана, повествуют ему об успешных переговорах, передают бочонки с «горячим вином», куски материи, но он гнева на милость не меняет. Из его

уст в адрес русских, особенно кузнечан, несутся угрозы – хлеб на полях потоптать, волости повоевать, деревни сжечь. Тут же хан приказывает прекратить с русскими всякую торговлю.

Чувствуя ухудшение отношений с телеутским ханом, активно действует кузнецкий воевода Ф. И. Голенищев-Кутузов. Он посылает в земли Абака сильный отряд для розыска и возвращения на старые места беглых ясашных азкиштимцев. Операция кузнецкого воеводы удалась. Мало того, в эти же двадцатые годы русские воеводы объясачивают родственников телеутам тагапцев и керетцев, что еще больше возмущает Абака. Ведь и эти небольшие племена были его кыштымами.

Чувство бессилия и апатии испытывает хан, когда ему сообщают, что орус-кижи проникли в Горный Алтай и собирают алман с челканцев, кумандинцев и тубаларов. Что же делать? Ведь так они скоро и его, хана Большого Улуса, сделают своим кыштымом. В 1628 году Абак посылает наиболее преданных ему людей в Горный Алтай. Они должны убедить, заставить челканцев, кумандинцев и тубаларов не давать ясак русским. Иначе их всех, как и русских сборщиков ясака, ожидает смерть. Угрозы возымели действие. Названные выше племена, а вслед за ними верхнемрасские и верхнекондомские шорцы в течение трех лет русским ясак не платили. Русских сборщиков ясака избивали, а кумандинцы четырех из них даже убили.

Кузнецкий воевода князь Волконский был напуган неповиновением северных алтайцев и южных шорцев. До него дошли слухи о том, что Абак готовится к походу на Кузнецк, к штурму города и уничтожению всех русских поголовно. Напуганный до смерти князь шлет гонцов в Томск за помощью. После долгих размышлений тамошние воеводы решаются послать Волконскому отряд в 20 человек, что оскорбляет кузнецкого воеводу. Хотя вестник из Томска сообщил о скором прибытии этого крохотного отряда, Волконскому долго пришлось его ждать! В Томске случилось непредвиденное. Назначенные в Кузнецк воинские люди отказались следовать на новое место службы. Надо сказать, что казаки и служилые люди в первой

половине XVII века испытывали невероятные лишения. По разным причинам они по году и больше не получали жалования не только денежного, но и хлебного и соляного. Приходилось жить впроголодь. Обращались к воеводам, но и они зачастую не имели на своих складах ни хлеба, ни соли. Деньги же воеводы нередко присваивали себе.

Случай с двадцатью томичами, требовавшими жалования и отказавшимися идти в Кузнецк, был не единственным в сибирских гарнизонах того времени. Томские воеводы били отказников батожем, потом посадили в острожную тюрьму. Ничего не помогало. Те продолжали требовать жалованье. Пришлось воеводам идти на попятную. «Забастовщики» жалованье и хлеб с солью получили и отправились в Кузнецк, нисколько не обижаясь на воевод.

Пользуясь отсутствием угрозы собственной независимости, Абак в 1628 году попытался поднять все племена Сибири на борьбу с русскими. Надеялся ли он победить – неизвестно. Документов о размышлениях Абака не сохранилось.

Русские воеводы не могли понять причин, вызвавших вдруг восстания ясачных племен в 1628 году повсеместно. Они не могли догадаться, что главным дирижером был Абак. Первыми против русских восстали ясачные барабинские татары, а вслед за ними татары тарские. Даже прежде верные русским чатские тюрки, возглавляемые зятем Абака Тарлавом, тоже поднялись против русских.

Абак даже пошел на союз с потомками ненавистного хана Кучума. Он рассчитывал, видимо руками всех противников русских властей уничтожить все поселения и города, чтобы создать нечто подобное Сибирскому ханству Кучума.

Воеводы Томска и Кузнецка действуют двояко. Они отражают набеги и в то же время пытаются вести переговоры с Абаком, интуитивно догадываясь о его ведущей роли во всех происходящих событиях.

За время смуты 1628-1630 годов русские послы «многжды» посещают ставку Абака. Сам он ни в каких набегах

и походах не участвует. Сказывается возраст, ведь ему уже больше 65 лет. Он разыгрывает роль невинного престарелого властителя, который ничего не знает о делах, творящихся в степи, предгорьях и долинах рек Южной Сибири.

Усыпляя бдительность русских послов, а через них и воевод, хан тщательно готовит поход на Томский острог. Он отдает себе отчет, что этот город теперь будет взять трудно. Много стало там воинских людей, страшных пушек. Стены возведены крепкие да высокие. Да и сами русские воины сильнее физически а главное, дисциплинированное его подчиненных.

Но! Вопреки всему он возьмет Томск, и тогда конец слабенькому Кузнецкому острогу, не устоит и только что возведенный Кызыл-Джарский (то есть Красноярский) острог. «Русских возьму в плен. Убивать их не буду, заставлю делать ружья и пушки. Кто не повинуется, продам джунгарам», - так или примерно так рассуждал хан, готовясь к походу на Томск.

В последний момент русскому послу П. Афанасьеву удалось узнать о планах Абака. Едва он вернулся в Томск, как телеутские отряды напали на Мурзин городок, где жили эуштинские татары и русские. Бой был кровопролитный, погибло свыше 20 защитников городка, и все-таки он был взят телеутами.

Объединенные отряды Абака пытались взять штурмом Эуштинский городок князьца Тояна. Но здесь их ждала неудача. Разведчики хана донесли ему, что из Томска вышел и движется к Эуште огромный отряд русских. Абак приказал отступать. В отместку хан приказал расправиться с пленным эуштинцем Бектулой. Мужественный Бектула не побоялся отказаться быть вожем (проводящим) телеутов. Даже пытки не сломили его. Как свидетельствуют документы, Бектуле «нос и уши резали и живот взрезали», в результате чего отважный эуштинец скончался.

Весть о весеннем походе Абака на Томск разнеслась по степям и лесам Южной Сибири. Достигла она гор и предгорий Саяно-Алтая. Еще до известия о результатах томского похода телеутов отказались платить ясак не только челканцы, тубалары и кумандинцы Горного Алтая, но и шорцы Четиберской, Чеоейской,

Сары-Шорской и Каргинской волостей.

В конце июня 630 года из Большого Улуса к русским перебежал Тенибек. Он рассказал о том, что один из союзников Абака, князец Аблай-Герим, собирается напасть на Кузнецкий острог, что в его войске будут не только телеуты, но и черные калмыки (то есть западные монголы), а также тубалары. К счастью, нападения на Кузнецк в том году не состоялось. Томские воеводы отправили в погоню за телеутами крупный отряд сына боярского Г. Черницына. С ним в качестве заместителя командира с группой воинов-эуштинцев в походе участвует мурза Бурлак Аткулин. Русско-эуштинский отряд в районе современного Новосибирска разбивает союзных Абаку тулумунских татар и приступает к укреплению поселений ясачных чатских татар, часть которых ушли к Абаку. Большинство чатов остались верны русским и готовились к оборонительным боям.

Серьезно обеспокоенные вылазкой Абака под Томск, воеводы приняли решение укрепить Томский острог. Не ограничиваясь пятибашенной стеной в сажень высотой, трехугольным острогом внутри города, воеводы приказали соорудить на реке Ушайке, «около пдгороного посаду», еще один запасной острог.

Кузнецкие воеводы, ожидавшие нашествия, тоже принимали посильные меры для укрепления острога.

Что касается Москвы и Тобольска, то они в тот горячий год на помощь Томску прислали... сполошный колокол – видимо, для укрепления морального духа томичей. Кузнечане и колокола не получили. Зато в изобилии из Москвы и Тобольска шли сюда письма-инструкции, в которых воеводы, казаки и служилые люди призывались «уговаривать ясашных, слать послов, «князьца Абака и ево улусных людей уговаривать всякими мерами накрепко», чтобы те «отстали от воровства и измены».

Уговоры не действовали. Прошла тревожная зима 1630 – 1631 годов. Весной 1631 года были разгромлены основные силы хана Абака. Его зять Тарлав был убит в бою. Чаты, ушедшие с ним, вернулись домой, их не стали наказывать. Обстановка на

территории Томского и Кузнецкого уездов нормализовалась.

Казалось, после полосы вражды и военных действий отношения телеутов и русских вновь вступают в полосу сотрудничества. Уже потянулись кочевники к Томску и Кузнецку, чтобы обменять скот и пушнину на русские товары.

Правда, осмеливались на это наиболее отчаянные телеуты, хорошо знакомые русским по прежним временам, даже успевшие немного научиться говорить по-русски.

Сам хан Абак, укрывшись в отдаленном уголке Большого Улуса, пришел к выводу о бесполезности своей борьбы с Томском и Кузнецком. Но это не означало, что он не предпримет ничего для защиты самостоятельности Большого Улуса, если воеводы предпримут что-то неожиданное. А они как раз и замыслили ни много и ни мало – соорудить в центре Большого Улуса новый острог. Русские очень хорошо знали, что есть очень удобное для жизни и обороны местечко, расположенное при слиянии Бии и Катуня. Даже название было придумано заранее: Бикатунский острог. Но как туда попасть? Проблемы в этом воеводы не видели. Добраться легче всего речным путем. Томские воеводы князь И. Ф. Татев и С. И. Воейков заранее испытывали радость при одной мысли о новом остроге. Тогда можно будет с тыла оказывать давление на «Телеутскую землю», шорцы не посмеют отказываться от уплаты ясака. Под боком будут кумандинцы, тубалары и челканцы, да и берега Оби можно будет заселять русскими.

Однако готовя поход в район будущего Бикатунского острога, ни Татев, ни Воейков не сообразили, что продвигаться из Томска к месту слияния Бии и Катуня придется по территории Абакова Большого Улуса.

Руководителем похода был назначен сын боярский Ф. Пушин. Экспедицию решили провести малыми силами. Снаряжалось три крупных речных судна-дощаника, на которых располагалось шестьдесят казаков и служилых людей. Небольшая эта флотилия направлялась сначала вниз по Томи, затем выходила в воды Оби, должна была двигаться вверх по течению Оби до ее начала, то есть до места слияния ее истоков

Бии и Катуня. Говоря современным языком, отряд должен был пройти по маршруту Томск – Новосибирск – Барнаул – начало Оби. Несмотря на малочисленность отряда Пушина, ему была поставлена ответственная задача - построить острог за считанные недели, чтобы в ту же осень 1632 года часть отряда вернулась в Томск, другая же в качестве гарнизона новой крепости осталась на новом месте.

Все участники похода получили и взяли с собой годовое жалованье хлебом и солью. В дощаниках везли все необходимые инструменты от гвоздей до заступов. Пороху и пуль тоже имелось в изобилии.

Поход начался 20 июля. Отряд двигался довольно медленно. Скорость не превышала 16 - 18 верст в сутки. В районе нынешнего Новосибирска пересекли русско-телеутскую межу (границу). Углубились в пределы Большого Улуса. Берега Оби пустынные, ни всадника. Тревожно на душе Пушина. Что там в степи, вдруг готовят засаду? 21 августа достигли большой излучины Оби (здесь ныне город Камень-на –Оби). На берегу заметили трех всадников, они махали малахаями. Дощаники причалили к берегу. Верховые прокричали, что они присланы ханом Абаком. От его имени спросили: «Для чего воеводы посылают в нашу землю воинских людей?» Требовали не трогать людишек Большого Улуса. Прокричав все это, телеуты скрылись.

Пушин забеспокоился всерьез. Он понял теперь, что тайком проскочить не удалось, что люди Абака давно следят за его отрядом. Это наводило на грустные мысли. Теперь он точно знал, что засада неизбежна. Только бы не прозевать! Не то всех вырежут, как вырезали когда-то людей Ермака люди Кучума...

Он отдал приказ зорче следить за берегами. Флотилия продвигалась вперед; шли на веслах. Течение Оби становилось все быстрее, движение вперед замедлялось. Люди выбивались из сил. На пятьдесят вторые сутки, 31 августа, остановились в устье Чумыша. Пушин знал, что здесь часто располагалась ставка Абака. Сейчас на правом берегу никого не было.

- Слава тебе, Господи, пронесло... - перекрестился Пушин,

повеселел. Приказал выдать по чарке водки. Двое суток спустя Пущин убедился, что он и люди, поверившие ему, ошибались... В районе современного Барнаула 3 сентября русские вновь хотели остановиться. Едва первое судно коснулось берега, туча стрел обрушилась на него. В ответ грохнула пищаль. В прибрежных кустах был шум, ржали лошади. Пока казаки сошли на берег и стали пробираться сквозь заросли, неизвестные исчезли.

Никто из русских от стрел не пострадал, но Пущину и его спутникам стало ясно, что дальше двигаться опасно. Если и не сильны нынче телеуты, они могут обратиться к джунгарам. Те пришлют человек пятьсот. А еще и с ружьями (они у джунгар были), и конец всем...

Пущин приказал прочесать окрестности берега. Казаки бродили по зарослям часа три. Следы коней видели, пыж от своей пищали нашли, но и больше ничего... Уже под вечер у большого плеса замаячило до двадцати всадников. Пущин приказал готовиться к бою, однако те, что у плеса, не собирались нападать. Они что-то кричали. Толмач из эуштинских татар Тайтан переводил. «Зачем вы плывете по нашей реке?» - «Река Божья», - отвечал Пущин. «А зачем ты воюешь наших людей?» - «А зачем вы по нам стреляли?» - отвечал Пущин.

Этот бестолковый разговор вскоре прекратился. Всадники исчезли.

Историки по-разному описывают и стычку, и переговоры на берегу Оби. Некоторые сообщают даже, что здесь был кровопролитный бой в течение пяти суток, что жертв было видимо-невидимо с обеих сторон. Исследователь истории телеутов Алексей Павлович Уманский пришел к выводу прямо противоположному: боя фактически не было, была бескровная стычка. Ни в каких документах не отмечено количество убитых и раненых, что неизбежно случилось бы, будь они на самом деле.

Бескровная стычка все-таки сильно возбудила Пущина и его подчиненных. После длительного совещания все 60 человек пришли к единому мнению – поход прекратить, возвращаться в Томск. Был ли это сговор воинов с командиром или действительно

всех обуял страх перед возможными испытаниями и даже гибелью – мы никогда не узнаем... Через две недели они были уже в Томске.

Для Пушина настали невеселые времена. Приказ он не выполнил. В докладе воеводам он сообщил о многодневных (!) кровопролитных (!) боях с телеутами и прочими бусурманами. Бывшие его однополчане вторили своему командиру. Воеводы не поверили в фантастические рассказы участников похода и приказали учинить дознание, в результате которого выяснилась вся правда о «битвах». Однако Пушин наказан не был. Воеводы сообразили, что и они виноваты в том, что не подумали о возможном сопротивлении Абака, что 60 человек ни в коем случае не могли справиться со всем Большим Улусом и его подданными. К сожалению, ряд уважаемых историков (Г. Ф. Миллер, Л. П. Потапов, Ю. С. Булыгин) поверили именно Пушину и в своих серьезнейших монографиях повествуют о тяжелых и кровопролитных боях отряда Пушина с войском хана Абака.

Неудача похода Пушина повергла воевод в уныние, но ненадолго. Через несколько месяцев из Томска через Кузнецк в район Горного Алтая направляется крупный отряд сына боярского П. Сабанского. Он продвигается на юг вверх по Кондоме, достигает Телецкого озера, громит проживающих здесь телесов и собирает с них дань.

Походы Пушина и Сабанского ухудшили отношения хана Абака с русскими властями. Телеуты продолжают совершать набеги на Кузнецкий уезд. Так, в сентябре 1633 года они грабят ясашных шорцев, проживавших на реке Ускат. Шорцы Байдарак и Изембек уведены насильно «в телеуты». Здесь же, на реке Ускат, схвачены и угнаны «в полон» пять семей телеутов, перешедших ранее в подданство России. Вскоре из Комляшской волости Кузнецкого уезда уведено еще восемь шорских семей.

Набеги заставили томских и кузнецких воевод налаживать с Абаком нормальные отношения. 23 сентября все того же 1633 года в его ставку прибывает посольство во главе с В. Г. Седельниковым. Посол перечисляет все бесчинства телеутов,

обвиняет хана в поощрении грабежей. Абак слушает вполуха, все, о чем говорит ему посол, он знает. Однако теперь он действительно стар, много болеет и практически государством не управляет. Всю власть захватил его старший сын. Абак только играет роль полновластного государя. Вот и сейчас он решил не признавать вины своих людей перед русскими властями. Это проще: не признал – и все, ничего не надо доказывать. Можно дальше просто дремать; хан чуть не засыпает под монотонную речь. Посол потрясен поведением хана. Он слышал о нем как об очень энергичном человеке, и вдруг такое! Переговоры заканчиваются ничем.

В феврале 1634 года новое посольство во главе с Е. Степановым ведет переговоры с Абаком. На этот раз хан вежлив, к речам посла прислушивается с огромным вниманием, заверяет его в верности русским, признает свои «вины». Степанов удивлен; Седельников наговорил ему о хане такое, что Степанов представлял себе Абака старой развалиной. Дело было не в том, что Абак выздоровел; чувствовал он себя очень скверно. Болела поясница, в голове стоял какой-то гул, постоянно тянуло в сон... но сама жизнь подстегивала его. Он только что узнал о создании мощного Джунгарского государства. Если в предыдущие десятилетия его враг Хара-Хула только приступал к созданию этого ханства, то сын Хара-Хулы Батур-тайша закончил создание крупного государства и прибирает к рукам владения тюркских и монгольских князьков. Абак знал, что Батур-тайша претендует и на его владения. Единственная надежда спасти самостоятельность, хотя бы мнимую – это опереться на растущую мощь России. Хан теперь горько сожалел о своих набегах на русские владения.

Полулежа на ворохе ковров. Повернув голову к толмачу Енару Бегичеву, Абак кивал головой в знак согласия с тем, что ему говорил русский посол Степанов.

- Да, я согласен дать новую шерть Белому государю.
- Да, я образумлю и пошлю сына в Томск; тот не будет больше учинять набеги на русских и на ясашных шорцев.
- Требуете возвратить уведенных нами шорцев и ваших

телеутов? Вопрос решен, вернем немедленно.

- Сделаем все, чтобы стать вновь друзьями.

Только об одном хан просил русских: не настаивать на том, чтобы шерть в Томске давал лично он. Степанов согласился удовлетворить просьбу престарелого Абака.

В июне того же года вновь в ставку хана прибывает посольство из Томска. Возглавляет его Б. Карташов. Стороны окончательно договариваются о деталях нового шертования.

И вот долгожданный для русских воевод день шерти настал. Это случилось 2 июля 1634 года. Приближенные Абака мурзы Мамырь и Ирга в торжественной обстановке клянутся, как четверть века назад сам Абак, в верности русскому «Великому государю», после чего пьют «на золоте» «горячее вино». Слуги держат над ними окровавленные клинки; это означает, что если давшие шерть нарушат ее, то те, кто принимал шерть и поверил шертовавшим, имеют законное право отрубить головы клятвопреступникам. Впрочем, и в 1609 году церемония шертования была такой же. Абак много раз нарушал эту клятву, и ничего – голова его все еще на плечах. Воеводы спросили все-таки у Мамыря: «Почему нет сына Абака и наследника его князя Коки?» Те не могли ничего придумать, кроме рассказа о том, что Кока не вернулся еще из дальнего похода. Воеводы вынуждены были проглотить вранье шертовавших, хотя хорошо знали, что Кока находится дома, в ставке, и не захотел ехать в Томск, несмотря на уговоры и даже угрозы отца. Чувствовалось, что будущий хан русских не жалуется; что же будет, когда он придет к власти? Этот вопрос стоял перед властями Томска и Кузнецка уже давно.

Хан Абак целыми днями убеждал сына Коку крепить дружбу с русскими. Тот молчал. Ему было уже за сорок лет. Все речи отца он еле переносил. Одна мысль преследовала Коку уже многие годы: «Скорее бы ты умер! Сколько можно ждать наследства?» Но внешне Кока почтительно относился к хану; не смел он произнести грубого или неверного слова; знал, как круто мог поступить тот в минуту гнева.

После принятия шерти Абак прожил еще ровно год. В июле

1635 года, после долгой и трудной беседы с сыном, он лишился речи, его парализовало, и через неделю хана не стало.

Печальны были все телеуты. Сорок с лишним лет они жили с Абаком, любили его за храбрость, за природный ум, даже за излишнюю горячность. Горевала любимая жена Алтын Чараш... Один Кока радовался. Наконец-то свершилась его мечта стать полновластным хозяином Большого Улуса.

Известие о смерти Абака всполошило и русских воевод. На похороны они прислали небольшое посольство; соболезновали Коке. А тот играл роль страдальца безукоризненно, даже русский посол не заметил этой игры. В глазах нового хана видна была неподдельная скорбь...

Что можно сказать в заключение о хане Абаке? Он - сын своего времени. Фигура противоречивая. Все его помыслы и чувства были направлены лишь к тому, чтобы суметь выжить, постараться сохранить независимость. Вряд ли его можно подозревать в попытке осчастливить свой народ. Он не жалел телеутов, посылая их в набеги, не щадил их, натравливая на кыргызов или джунгарцев, не очень печалился, если суровыми зимами половина населения голодала. Боялся только одного – лишиться людей, которые платят алман.

К чести Абака, уже к концу жизни осознал он, что политика вражды с русскими ни к чему не приведет. Ориентация на сближение с Россией, начатая им в 1609 году, была исторически верна. Как ни изменял он ей, но уйти от нее так и не смог.

Хану Коке так и не удалось за тридцать пять лет своего правления понять слова отца о дружбе с русскими. Все эти годы, пытаясь сохранить независимость, он враждовал то с русскими, то с джунгарами. В конце концов хан Кока так ослабил свой Большой Улус, что вынужден был подчиниться джунгарам.

Значительная часть телеутов, не видя конца распрям с могучими соседями, покидала свои кочевья и поселялась в Томском и Кузнецком уездах, пополняя ясачное население. Русские, как увидим ниже, охотно принимали пришельцев под свое покровительство.

Невысокого роста, косноязыкий, не в меру коварный и жестокий, Кока возбуждал неприязнь даже в кругу своих близких родичей. У двоюродного брата хана Мачика Койшегурова еще при Абаке зародилась мысль о самостоятельном ханстве, но из уважения к родному дяде, к его уму и доброте Мачик и не пытался отделиться от Большого Улуса. После смерти Абака к Мачику применены были недозволенные приемы воздействия. Кока через своих людей грозил брату расправой, если тот посмеет даже думать об отделении. Подсылал хан к Мачику и наемных убийц; только бдительность охраны спасла князьца от гибели.

Все это подтолкнуло Мачика к уходу. У него было двести подвластных кибиток (наследие отца). Мачик откочевал с ними и провозгласил себя независимым ханом. Такого оборота Кока не ожидал. Сторяча приказал он поймать беглецов, поймать Мачика и казнить его за измену, но потом под влиянием матери и приближенных отменил погоню. На что же надеялся Кока и его окружение? Видимо, рассчитывали они, что недолго просуществует «Мачиков Улус» самостоятельно, и его новоиспеченный хан приползет обратно на брюхе, целуя обувь Коки. Но этого не произошло. Уход Мачика стал тяжелым ударом по единству телеутского народа. Большой Улус лишился двухсот опытных и закаленных воинов, а всего до тысячи человек, если считать, что семья-кибитка насчитывает до пяти человек. У коки теперь осталось восемьсот кибиток, то есть около четырех тысяч человек, из них до восьмисот воинов.

Русские власти, видимо, знали о готовящемся расколе в ставке телеутов, но им было, как сейчас говорится, «до лампочки». Они не сумели (да и кто бы сумел?) предугадать печальные последствия для русского населения этого раскола у телеутов.

Во время вокняжения Коки русские воеводы послали к нему сына боярского Зиновия Амосова. Опытный дипломат, знаток обычаев и привычек сибирских властителей, он употребил весь свой ум, все уловки, чтобы завлечь Коку в Томск для шертования. Ничто не помогло: ни обильные дары водкой, тканями, оружием, ни лесть, ни угрозы. Кока был не против

шерти, но ехать в Томск отказался. Обескураженный Амосов с горя напился допьяна и чуть не учинил драку в ханской юрте. Матерная его брань разносилась по степи до тех пор, пока казаки не усыпили разбушевавшегося посла. Кока был не в обиде, он хохотал до слез над выходками Зиновия и даже довольно умело изображал его, не забывая произносить бранные слова русского посла. Хохотали придворные, только русские казаки, все трезвые, крестились потихоньку, да всю ночь не спали, опасаясь мести со стороны хозяев за нечестивые выходки своего хозяина. А сын боярский храпел так, что они не заснули бы в любом случае.

Кока отрядил в Томск для шертования своего брата Имеса в сопровождении трех «лутчих» людей. Как бы в насмешку над русскими воеводами, Кока велел в подарок отвезти шесть соболей, два бобра да коня неизвестной породы. Посол Имес, оправдываясь перед воеводами за столь скудный подарок, внушал им, что Большой Улус обеднел вконец, разорился из-за гибели скота, из-за нападений джунгаров. Много он еще говорил, жаловался. Однако воеводы догадались о сути «щедрого подарка». Хан Кока ни во что ни ставит государя российского, издевается над ним, не желает всерьез вести какие-нибудь переговоры с российскими властями Сибири.

Вскоре горькие раздумья воевод о коварстве Коки подтвердились. Наличие раскола Коки с Мачиком способствовало тому, что Кока, вопреки шерти организуя нападения на русские владения, все сваливал на Мачика. Последний, тоже грабя русские и шорские поселения, доказывал представителям русских и шорских властей, что эти бесчинства исходят от Коки. Уже год спустя воеводы Томска, а затем и Кузнецка поняли, что раскол Большого Улуса принес больше вреда русским, чем самим телеутам. Начиная с 1636 года, особенно страдал Кузнецкий уезд.

Но не телеуты стали инициаторами набегов на русские селения в том трагическом 1636 году. Киргизские князцы со своими отрядами, пробравшись через горные перевалы Кузнецкого Алатау, ворвались в пределы Шории. Узнав от шорцев о нападении, кузнецане во главе с Г. Черницыным двинулись в

глубь шорских земель, чтобы встретить и разгромить противника. Тут-то и проявил Кока свое истинное политическое лицо. Он кочевал по левому берегу Ини, на территории нынешних Беловского, Ленинск-Кузнецкого и Промышленновского районов. Осведомители сообщили хану и о нападении на Шорию кыргызов, и об уходе из Кузнецка почти всех воинских людей. Кока принимает решение отрезать отряд Черницына от Кузнецкого острога, объединиться с кыргызами и взять город штурмом, положив начало освобождению Сибири от русских!..

Передовые отряды Коки появились на реке Абе. Их заметили сторожевые русские посты. К Черницыну, ушедшему на юг, были посланы гонцы. К счастью, кузнецкое войско еще не ушло далеко. Дня через три под Кузнецком Черницын разгромил передовые отряды Коки. Шорцы, оказавшиеся беззащитными перед кыргызами, сильно пострадали. Их ограбили дочиста, забирали даже посуду. Некоторых убили, многих увели в плен и продали в рабство... Такова была цена спасения Кузнецка. Не вернись Черницын к Кузнецку, ввяжись он в бои с кыргызами, Кузнецкая крепость могла бы стать добычей Коки. Ему хватило бы его 800 воинов для взятия безоружного города.

Документы бесстрастно рассказывают, что в последующие 1637 – 1638 годы по наущению Коки телеуты много раз «побивали всяких чинов людей», у яшашных юртовских татар, российских подданных, «скот отогнали без остатку», «на пашнях сжатой хлеб сожгли, несжатой потоптали». Обстановка накалилась до предела.

От набегов особенно сильно страдали русские деревеньки Кузнецкого уезда, только что появившиеся на этой земле. По требованию крестьян-землепашцев кузнецкий воевода Г. Кушелев предпринимает некоторые шаги по укреплению обороноспособности крепости и ее гарнизона. Вместе со 110-ю служилыми людьми он бьют челом московским властям, требуя заменить устаревшие короткие пищали на более современное оружие. Обосновывая свое требование, кузнечане сообщают в Москву: «кыргызские и телеутские люди приходят войною збруйные, в кукях и пансирах и в шеломех и с тех ис коротких

пищалей эти куяки и пансири пробить невозможно». Москва еще не пришла в себя от пятнадцатилетней Смуты начала XVII века, но изыскала и прислала в Кузнецк обоз с 60 ручными пищальями и с полсотней карабинов. Во время вручения нового оружия воевода прослезился, произносил здравницы в честь государя Михаила. Потом вместе со служилыми людьми крепко отметил радостное событие, напившись до бесчувствия.

Оружие вскоре пригодилось. В октябре 1638 года братья-телеуты Октудаевы с Сергеевкой Арыскаловым «украдом» угнали лошадей у «ясашных татар» (шорцев). Томские и кузнецкие воеводы решили этот конфликт разрешить мирным путем. В качестве посла к Коке был отправлен известный нам Зиновий Амосов. Он сделал «выговор» хану за воровские действия его «людишек». Ни «выговор», ни «горячее вино», привезенное в дар Коке, не подействовали на хана. Водку он с удовольствием пил, даже обнимался и целовался с послом, но виновным ни себя, ни своих людей не признал. Все свалил на Мачика.

И вернулся домой Зиновий с больной головой и с нулевым результатом. Между тем Мачик решил пойти на мировую с Кокой. Он дал ему понять, что вскоре, в 1639 году, совершит крупномасштабную акцию против русских. Кока не был против. Он намекнул двоюродному братцу, что не против часть добычи поделить. Мачик на это никак не реагировал, только долго и со слезой жаловался на свою бедность. Когда же Кока завел речь об объединении, Мачик поспешил откланяться.

Летом 1639 года произошло событие, надолго запомнившееся его участникам. На Кузнецкое торговище напали люди Мачика. Несколько сот человек на правом берегу Томи, при впадении в нее Кондомы, регулярно собирались для обмена товарами. Торговля шла обменная. Прибывшие с верховьев Томи, Кондомы и Мрассу шорцы выставляли шкурки соболей, белок, песцов. Служилые люди и казаки Кузнецка предлагали чай, табак, топоры, ножи, кое у кого из русских были ткани. Шорцы с реки Ускат и с верхней Абы пригоняли лошадей и овец. Телеуты-тогулцы, уже ставшие русскими подданными, привозили

много хмеля, кож. Был на ярмарке и самый популярный товар – русское «горячее вино», а проще сказать, самогонка, которую навострились готовить не только русские служилые люди и казаки, но и сами воеводы не брезговали этим прибыльным делом. Самогон приносил большие доходы.

Мачик, тайно следивший за сбором на торжище с окрестных гор, приказал своим людям подобраться и ограбить участников ярмарки. Во время нападения погибло много русских и шорцев. Все, что мог, Мачик увез с собой, с Кокой делиться не стал.

В Кузнецке служилые люди и казаки требовали наказать «нехристей», порывались идти в поход. Воеводе с трудом удалось уговорить подчиненных потерпеть, не торопиться. Он был прав. Гоняться за Мачиком было бесполезно. Сибирь велика... Даже Кока не знал толком, куда делся его брат после кузнецкого побоища.

Три последующих года в отношениях русских с телеутами наблюдается относительное спокойствие. Не будем гадать, как бы пошло дело дальше, если бы теперь уже русские власти своими действиями не нарушили мирное течение жизни. В 1642 году без каких-либо переговоров с Кокой по приказу томских воевод в Горный Алтай, через Кузнецк, направляется отряд казаков и служилых людей под командованием П. Сабанского. Сабанскому было приказано углубиться в Алтайские горы и объяснить живущие там народы. Сабанский разгромил горное племя телесов, а П. Дорофеев в следующем году сумел взять с них ясак, учредив там Мундусскую, Тотошскую и Кезегецкую волости.

Трудно поверить, что томские и кузнецкие воеводы не знали о принадлежности горных племен Алтая к «Большому Улусу» Коки. Походы Сабанского и Дорофеева имели ту же цель, что и неудачное путешествие по Оби во главе с Пушиным, предпринятое в 1632 году. Не сумев водой пробраться вглубь Алтая, воеводы решили добраться туда другим способом.

Известие о походах русских в Горный Алтай взбесило Коку. Обстоятельства не позволяли ему ответить набегом. Он выжидал.

Между тем в отношениях между русскими и телеутами нет-нет, да и появлялись разные мелкие разногласия. Сбежала к телеутам крещеная татарка Катеринка, а вслед за ней двое чатских татар Коштейка да Изсечка. Кока принял их под свое покровительство. Русским не выдал. В свою очередь, русский подданный по имени Ишмаметка убегом уводит из Большого Улуса телеутку Курленкой («жонку» некоего Бугояка). Тут же к русским перебегает телеут Кузуюк. Начинается обмен претензиями между русскими и телеутскими властями. Все заканчивается ничем. Торговля между этими двумя сторонами продолжается, но она незначительна. Слишком хорошо русские и шорцы помнят погром, устроенный Мачиком летом 1639 года на Кузнецком торжище.

Тайно Кока ведет переговоры с джунгарским властителем Батур-кантайши. Одновременно люди Коки и Мачика шныряют по шорским аилам, забирая у шорцев все, что можно. Узнав об этом, томский воевода А. Зубов встревожился. Летом 1646 года в качестве посла к телеутам был направлен отважный воин, покоритель телесов П. Сабанский. Русские хотели дать понять Коке, что Сабанский временно может стать послом, но вообще-то он – воин. Задача у Сабанского была не из легких: убедить хана снова дать шерть русскому государю Алексею Михайловичу (Михаил Федорович умер в 1645 году).

Как ни уговаривал Сабанский хана дать шерть лично, то стоял на своем: шертовать нельзя, так как этого не потерпит джунгарский правитель Батур-кантайши. Не помогли дары, не помогло «горячее вино», в изобилии привезенное с собой Сабанским. Договорились все-таки, что шерть будут давать, как и в 1634 году, брат Коки Кулудай и дядя Ентугай Конаев. С ними в Томск отправились «лутчие телеуты» Битеня Невтенгин, Торгай Басбейков, Читой Терев, Чундугара Базыбеков да Бочуга Тенбикеев. Они должны были шертовать не только от имени Коки, но и за весь Большой Улус.

Хотя Кока был упрямым человеком, лично он не хотел шертовать не из-за упрямства. Отказ от шерти был вызван личной неприязнью хана к русским, которых он считал чужими людьми.

Опасался Кока и ответных мер за шерть со стороны Батуркантайши, которому дал слово верности.

Во время переговоров с Сабанским поднимались вопросы не только об очередной шерти. Сабанский выговаривал Коке об его изменах и делах неправых воровских. Кока все сваливал на Мачика, с которым вновь был в ссоре и вражде... Для Коки Мачик оказался палочкой-выручалочкой; если бы его не было, на кого бы сваливал Кока бесчинства своих подданных?

В процессе послования Сабанского всплыл вопрос о бывшей русской подданной крещеной «жонке» Катеринке, которая бежала в телеуты. Русский посол предложил вернуть ее законному мужу, крещеному телеуту Сабаная. Кока ответил, что Катеринку к нему не приводили, она сама прибежала, и не у него жила в юрте, а в юрте Уразака Бурлакова, а теперь уж не живет. Эту Катеринку у Бурлакова отобрал ойрат Манчичок, который сказал Бурлакову, что является ее родным братом.

При объяснении катеринкиной истории Кока нагло глядел в глаза Сабанскому и хохотал постоянно. Посол так и не сумел выяснить, где обитает эта шелапутная Катеринка, и махнул на нее рукой. Он поставил перед Кокой вопрос об угнанных у российских подданных лошадях. Тогда Кока заявил, что русские украли у него Курленкой. Да, с ней спрятался в Кузнецке и ее дружок, тоже подданный Коки, Кузулкой. Тут пришлось выкручиваться Сабанскому, который слыхом не слыхивал ни о жонке Курленкой, ни о мужике Кузулке. В результате всех этих собеседований ни лошади, ни женщины с мужчинами возвращены не были.

Перед расставанием с послом Кока подарил ему чистокровного арабского скакуна. Понравился Коке этот могучий орус батыр – «русский богатырь». Сабанский отдал хана щедро. Бочонки «горячего вина» да пресного меда, сукна «аглицкие» - ткани зеленые, «червчатые» (красные) да синие были подарены хану. Да и родственники Коки, «лутчие люди», не были обделены. На том и расстались. Сабанский не был доволен итогами пребывания в ставке хана Коки.

Воеводы томские и кузнецкий (Зубов) – были вконец

расстроены отказом Коки шертовать лично. Москва в длинных своих «инструкциях» выговаривала им за все неудачи. Всесильные дьяки Сибирского приказа корили сибирских воевод за нерасторопность, леность, за неумение «брать инородцев лаской и хитростью». Воеводы крепко выражались по поводу московского начальства, не ведавшего, по их мнению, «ни хрена собачьего» в делах «сибирских нехристей».

Масла в огонь подлил воинственный кузнецкий воевода Зубов. Без разрешения своих томских старших коллег в том же 1646 году он двинулся со всеми своими наличными силами в землю телесов, где до него побывали Сабанский с Дорофеевым. Что его толкнуло в этот поход, неведомо. Наверно, хотел опробовать новые пищали да карабины. А скорее всего, поход имел цель пограбить еще не подвластные племена да силу свою Коке показать.

Узнавши об этом, вышестоящие власти московские прислали распоряжение, в котором, в частности, предписывалось: «а преж кузнецким воеводам без ведома томских воевод войною никуда не хаживати».

Поход Зубова вызвал прилив активности у хана Коки. Теперь он имел право обвинить русских в агрессии. Немедленно отправляет он в Кузнецк, а затем и в Томск своего наиболее грубого, настроенного против русских, посла Битенева, который с наслаждением «выговаривает» воеводам за злосчастный поход Зубова. Он же, виновник, вынужден терпеть обличающие слова «разбой» и «воровство».

Причем Битенев вовсе не слушает объяснения Зубова, говорит только сам, переводчик монотонно, подражая послу, переводит. Зубов пытается говорить, но посол не прерывает своей длинной речи, как бы не замечая стремления этого русского вставить хоть словечко. Покончив с обвинениями, Битенев встает, поворачивается и уходит из воеводской избы, не попрощавшись. Зубов беснуется, кричит, лупит, чем ни попадя, своего злополучного переводчика. Наконец, успокаивается, когда тот же переводчик-шорец наливает и подает воеводе емкость солидных

размеров с «горячим вином». Воевода опоражнивает емкость и кричит: «Ну погоду у меня, я ишо до тебя доберусь!»

Такая же картина разыгралась и в Томске. Только там после выговорных речей Битенева воеводы чуть не подрались между собой, обвиняя друг друга в чем негодя...потом помирились, сели за стол, крепко выпили, проклиная нехристей-бусурманов да ехидного и зловредного Коку вместе с послом-обвинителем. Но им вскоре пришлось выслушивать нового посланника от Коки. В отличие от Битенева, Урузак был вежлив: много кланялся, от угощения не отказывался, не дерзил, слушал воевод со вниманием, но сказал все же то, что поручил ему Кока. А суть была вот в чем: хан боится русских до смерти. От прежних воевод такого злодейства, как поход Зубова, он не видывал; торговать с русскими телеуты теперь боятся; люди белого царя-государя стали страшными, не в пример прежним временам. Фактически это заявление Урузака означало, что хан прерывает всякие отношения с русскими властями, что шерть, данная его родственниками и «лутчими людьми», теперь недействительна, что он просто объявляет войну русским...

Урузак, человек дальновидный, объяснил потом, уже без переводчиков, на ломаном русском языке, что хан все это ему наговорил сгоряча, что он был пьян, что Урузак - раб Коки, но если бы он стал ханом, он все бы сделал иначе, стал бы другом русских. Не зря, добавил он, меня зовут Урузак, это означает орус, то есть русский. Меня, мол, так прозвали за то, что всегда вступаюсь за русских. Хан нарочно меня послал к вам, чтобы посмеяться надо мной.

Воеводы поняли все, что сказал Урузак, поговорили с ним еще и выяснили одно обстоятельство, которое их обрадовало. Оказывается, среди телеутов немало есть людей, которым нравятся русские, которые хотели бы перебежать в их владения, чтобы землю пахать по-русски, и сено косить, и тому подобное. Воеводы аж рты разинули от такого известия, и в ответ Урузаку, сказать ничего не могли – от удивления.

Простились с Урузаком тепло, подарки Коке отвалили

большие, «горячего вина» одного две бочки, ведер на сорок. Пусть угощается, может, и образумится!

Кока не образумился. В том же 1646 году он громит ясашные волости Боянскую, Тюлюберскую да Толульскую, его люди бродят вокруг Кузнеца и грабят русских крестьян и шорцев.

Перед воеводами встал вопрос: как быть? Что делать? Идти на Коку войной – он сбежит со всем своим народом в Джунгарию, а джунгарский хан не потерпит разгрома своего вассала Коки и может начать войну против русских. У него и сабель много, и пушки имеются! Думали, думали воеводы, и ничего не придумали хитрого. Решили послать к Коке С. Александрова, человека умного и терпеливого. Он обязан был и выговорить Коке за воровство, и в то же время склонить к миру и новой шерти. Призадумался Александров: трудна задача! Поехал... Хан вел себя нагло, этикета не соблюдал; даже не встал, когда посол вошел в его юрту. Александров был изумлен, даже дара слова лишился на время. Потом пришел в себя: он знал очень хорошо речь телеутскую и в переводчике не нуждался. Кока, свою очередь, остолбенел, когда русский посол почти без акцента заговорил с ним на его, Коки, языке.

Речь завел Александров сначала о мире, об отце Коки, славном хане Абаке, о том, как тот вместе с русскими в походы хаживал и много выгод имел от этого. Кока слушал посла внимательно и жалел, что перед разговором с ним дал распоряжение украсть лошадь посольскую да избить хорошенько кого-нибудь из членов русской миссии. Жалел да слушал Александрова, а тот ни слова о разбойных нападениях Коки не сказал, все больше похваливал телеутов да их хана Коку. Рядом с ханом сидел Урузак, кивал головой радостно.

После переговоров Александров узнал новости нехорошие: коня у него украли, а «коншего» шорца Кызлакова избили накрепко. Александров перекрестился и сказал только: «Бог простит неразумных». Кока велел дать послу коня лучшего. Провожал Александрова Урузак. По дороге узнал посол, что Урузак отговаривал хана от нападений на русских и шорцев, и что вроде

бы Кока начинает уяснять, что действия его неразумные. Надо склонить его к новой шерти, лучшей. Тогда хан будет смиреннее. Еще Урузак посоветовал присылать хану почаще «вина горячего». Посмеялись вместе над слабостью Коки. Обнял Александров Урузака крепко при расставании; верил он ему. «Разумен боярин телеутский, все правильно понимает», - рассудил Александров.

Только успели пережить томские воеводы маленькую радость, как явился в город послом от Коки любезный сердцу Урузак. Встречали его, как родного. Извинился Урузак от имени хана за то, что Кока не встал перед послом Александровым, объяснил это его пьянством беспробудным. Простили воеводы Коке содеянное... А потом Урузак сказал, что Кока боится русских и потому извиняется, что склонен он дать, наконец, шерть – личную! Не сказал только посол, сколько сил и хитрости пришлось ему потратить, чтобы склонить Коку к этому делу, не в меру для хана тяжелому. Только хвалил он сильно (опять от имени Коки) Александрова. Воеводы благодарили обоих за доброе дело.

Но не только хитрые речи Александрова да советы Урузака склонили Коку к миру с русскими. Двоюродный братец Мачик не раз грабил отдаленные улусы Коки. Джунгарские ханы стремились к тому, чтобы Большой Улус стал их владением полностью, а сам Кока – их слугой верным. Это не было по сердцу телеутскому хану.

Русская казна нуждалась в постоянном пополнении. Пушнина позволяла правительству Алексея Михайловича получать на западе что угодно. Однако не вселадилось у сибирских воевод с дальнейшим объясачиванием народов Сибири, еще свободных от русской дани. По приказу царя Сибирский приказ рассылал в сибирские города послания, в которых было одно требование – как можно скорее привлекать под государеву руку всех, кого можно.

В те дни, когда Урузак гостил в Томске, воеводе Кузнецка пришла очередная инструкция из Москвы, где, в частности, предписывалось, чтобы «Кока з братьями и з детьми по государевым яшашным волостям со многими телеутами не ездили

и государевых людей не грабили и мягкие рухляди и великие животины и жен их и детей к себе сильно не имали и не мучили, и огнем не жгли, и за то впрямь от государя он, Кока, на себя опалы не навел».

Все это для кузнецкого воеводы новостью не было. Он ждал распоряжения о воинском походе, а тут было увещание Коке. Воевода подумал: «А ведь писано это не мне, а Коке. Я-то что с ним поделаться могу?»

В апреле 1650 года сын боярский Петров едет в ставку телеутского хана с богатыми дарами. Уже достигнута договоренность, что Кока даст личную шерть при всем телеутском народе.

На этот раз хан держит слово. В торжественной обстановке, в присутствии не только своих приближенных, но и сотен простых телеутов дает он шерть, в которой были слова о том, что в походы против русских он больше ходить не будет...

Наступают мирные времена. Вновь организуются в Томске и Кузнецке торги. Телеуты гонят сюда свой скот, обменивая его на ткани, зерно, пушнину...

В течение года ни та, ни другая стороны не нарушали договоренности о мире и спокойствии. Казалось, и дальше будет продолжаться та же спокойная жизнь. Увы! Обстоятельства опять привели к противостоянию русских и телеутов. Уже через год произошли два события, которые вновь подтолкнули Коку к враждебным действиям. Трудно определить по документам, что в одном из этих событий правда, что ложь. Был у хана Коки шурин по имени Идерек. Поехал он в гости к русскому подданному чатскому татарину Бурлаку Аиткулину. Чатские татары были близки по языку телеутам. Среди чатов было много родственников телеутам. В мирное время они, как правило, ездили друг другу в гости. По всей видимости, Бурлак был родственником Идереку, а значит, и хану Коке. Неизвестно, сколько времени провел в гостях Идерек, но домой не вернулся. Как доложили хану, его любимый шурин был отравлен Бурлаком. Трудно поверить в эту версию; видно, умер все-таки Идерек по другой причине. Скорее всего,

он слишком увлекся «горячим вином», которое умели делать чаты, жившие недалеко от Томка. Но, как бы то ни было, смерть Идерека хан Кока воспринял как вызов себе. Не успел хан оплакать смерть Идерека, как доложили ему, что одиннадцать семей его подданных, считавшихся его рабами, а по-русски – холопами, сбежали в пределы русских владений. В Кузнецке тогда воеводой был Федор Баскаков. На просьбу Коки немедленно вернуть ему сбежавших тот ответил отказом, заявив посланцу хана, что «люди телеуцкие прибежали к нему, Баскакову, по доброй воле».

Баскаков был прав. Уже в те времена даже в Азии существовало негласное право, а скорее обычай не выдавать людей, покинувших своего господина и отдавшихся добровольно под власть другого господина. Таким другим господином для телеутов был не кто-нибудь, а русский царь Алексей Михайлович, а Баскаков - лишь слуга его. Даже при желании Баскаков не мог самовольно вернуть Коке его, государя, подданных, не спросив самого царя.

Вновь началась распря. Кока организует летом 1651 года ряд нападений на Кузнецкий уезд, берет алман с русских ясачных тагапцев и челкан, проникают его отряды снова в долину Кондомы, вновь отбирают у шорцев все до последней нитки. Наконец, добравшись до Телецкого озера, в бассейне которого жили телесы, он насильно уводит все племя на север, превращая их из горцев в степных кочевников. Баскаков негодует, шлет громы и молнии в «вора Коку» - и только. Лишившись телесов, которые выплачивали России ясак шкурками ценных пушных зверей, воевода подсчитывает убытки. Счет Коке был предъявлен в сумме 355 рублей 50 копеек. Поскольку хан о русских деньгах, как и вообще о деньгах, имел смутное понятие, сумма не произвела на него никакого впечатления. Он заявил послу Баскакова, что русские еще больше наделали ему бед, и упомянул о беглецах. Баскакову делать было нечего, и он решился применить силу против хана телеутов. Однако, зная, какие неприятности за подобное деяние имел его предшественник Зубов, Баскаков решил представить предстоящий поход не одним своим делом,

а делом всех служилых людей Кузнецка, всех казаков и жителей уезда. Заранее зная о согласии своих подчиненных двинуться в поход, Баскаков тонко намекнул некоторым, самым смышленным, что неплохо бы им обратиться к нему, воеводе, с челобитной, в которой они, служилые люди и «казаки с крестьяны», слезно умоляли бы его, воеводу, организовать карательный поход против «злодеев бусурманского племени».

Намек воеводы был понят с полуслова. На другой же день «лутшие» из служилых людей в присутствии сотен казаков и крестьян передали Баскакову челобитную, которая даже разжалобила воеводу до слез. Так здорово ее сочинили кузнецкие грамотеи.

Заручившись поддержкой своих людей, Баскаков начинает активные действия. Спустя неделю после получения «челобитной» он отправляет двести человек во главе с П. Дорофеевым, воином опытным и храбрым, на юг, в пределы Горного Алтая.

Другой отряд под руководством Лаврова и Васильева движется в северо-западном направлении, в верховья реки Чумыш. Ныне эти земли входят в состав Прокопьевского района. В XVII веке по обоим истокам Чумыша: Кара-Чумышу и Томь-Чумышу - располагались охотничьи угодья Большого Улуса. Здесь в течение многих десятилетий телеуты охотились довольно успешно на лосей.

И на этот раз, в феврале 1653 года, несколько десятков охотников-телеутов промышляли здесь лося. Когда лыжная разведка доложила Лаврову и Васильеву об этом, те посоветовались с казаками. Решение было единодушным – отобрать у «нехристей» добычу и зачислить ее как военный трофей. Так и сделали. Телеуты сбежали, завидев множество вооруженных русских. Сто семьдесят лосиных туш «попадают в плен».

На этом завершается работа Владимира Михайловича. Продолжение повествования либо не написано, либо утеряно, как и список использованной им литературы и архивных материалов.

ПРОКОПЬЕВСКИЙ РАЙОН
(Очерки по географии и истории района)
(отрывок)

ТЮРКИ

На рубеже I тысячелетия до н. э. на территории Южной Сибири появляются кочевники-тюрки. По предположениям ряда ученых, это были протобулгарские племена, ушедшие впоследствии в западном направлении. Неизвестно, сколько времени они проживали на территории сибирского региона. Ушли протобулгары под давлением с востока других народов.

Во второй половине I тысячелетия н. э. их потомки создают Балканскую Болгарию и Волжскую Болгарию. Прямыми потомками протобулгар являются современные чувашаи.

В IV веке н. э. новая волна тюркских племен хлынула в пределы Южной Сибири. Частично вытесняя кетов и самодийцев, частично смешиваясь с ними, к IX веку тюрки создают крупное объединение племен. Этот союз принято называть Кимакским.

Но уже в X веке кимаки вытесняются племенами тюрк-телеутов, которые вынуждены были покинуть степи Монголии и Западного Китая под давлением монгольских племен киданей (кара-китаев).

Телеуты проникают в верховья реки Оби и поселяются на ее левых притоках Алее и Чарыше, а затем в бассейне Чумыша. Тюрки-кимаки в массе своей уходят на запад, образуя впоследствии мощный союз племен кыпчаков (куманов), известных по русским

летописям под именем половцев.

Меньшая часть кимаков поселяется в бассейне реки Кондомы, смешиваясь здесь с кетами и самодийцами. Их прямыми потомками являются кондомские шорцы.

В X–XII веках тюрки-телеуты уже кочуют по степям не только Алтая, но и в Кузнецкой котловине, достигая на юге бассейна рек Ускат и Аба.

В конце XII – начале XIII веков население Сибири подпадает под власть монгольской империи Чингисхана. После распада этого государства, вплоть до прихода русских в междуречье Оби и Томи, господствующее положение здесь занимают телеуты. В начале XVII века они проживают в составе государственного объединения Большой Улус во главе с собственными ханами «князьцами».

РУССКИЕ И ТЕЛЕУТЫ УСКАТСКИЕ

Первым русским поселением на юге Кемеровской области был Кузнецкий острог, возведенный казаками и служилыми людьми в 1618 году. Статус города острог получил уже 1622 году.

Несколько позднее казаки и служилые люди стали первыми, кто основал свои заимки неподалеку от Кузнецка. Впоследствии заимки выросли в деревни и крупные села. Так, на карте современного Прокопьевского района на реке Абе возникло село Калачево, основанное кузнецким купцом Калачевым в 1668 году. Но не ему принадлежит старшинство среди русских поселений района. Несколько ранее казаки и служилые люди Кузнецка основали село Прокопьевское (1650 год). Трудно сказать, кто был первым жителем будущего города. Возможно, первую избу поставил неизвестный нам Прокопий (или Прокопьев), а возможно, дом первопоселенца был заложен в Прокопьев день, что и стало причиной названия поселения.

Два первых русских села Калачево и Прокопьевское были отмечены на карте знаменитого сибирского картографа и исследователя Ульяна Ремезова еще в 1700 году. На той же карте

мы встречаем названия Лутшево, Шарап и Ускатская. Время их возникновения неизвестно. Однако, учитывая географическое положение данных поселений, можно предположить, что они появились несколько позже сел Прокопьевское и Калачево. Ускатскую (ныне поселок Ускатский) и Шарап основали казаки. Что касается образования села Лучшева (Лутчева), то его основателями были служилые люди или, как их тогда называли, «лутчие» люди. Именовали их так за принадлежность к дворянскому сословию. Но дворяне эти, видимо, не располагали никакой собственностью, что и побудило их, забыв свое сословное положение, превратиться в крестьян. Тем более, что в Сибири, и «лутчие люди» знали об этом, крестьяне крепостными никогда не станут. Со временем почетное прозвище «лутчие» превратилось в фамилию некоторых из первопоселенцев. Стали они Лутчевыми (Лутшевыми), а еще позднее, в XIX веке, просто Лучшевыми. Основным занятием первопоселенцев было ограниченное земледелие, скотоводство, охота, рыболовство и собирательство. Но не забывали они и о ратном деле. Кочевавшие несколько севернее, в пределах Большого Улуса, кочевники-телеуты были достаточно воинственными людьми.

Естественно, что рядовые телеуты в массе своей не помышляли о войне с русскими, но князцы Большого Улуса водили их ради собственной наживы и против русских деревень, и даже на Кузнецкий острог.

В XVII веке все пять первых русских деревень, перечисленных выше, неоднократно подвергались нападениям со стороны телеутских князцов. Нападали на Кузнецкий уезд джунгарские (западномонгольские) феодалы, беспокоили нападениями кыргызы (ныне хакасы) с Енисея.

Отношения с соседями-телеутами складывались неоднозначно. Периоды войн и взаимных нашествий сменялись годами мирной жизни. В такие спокойные времена русские торговали с телеутами. Торговля носила преимущественно натуральный характер. Основным товаром кочевников был скот. Русские поставляли ткани, изделия из металла, металлические

орудия труда. До самой гибели государственного объединения Большой Улус в начале XVIII века было запрещено продавать кочевникам огнестрельное оружие и боеприпасы к нему.

В процессе общения телеуты и русские приглядывались друг к другу, овладевали языками. Немало русских в XVII веке говорило по-телеутски. В свою очередь и телеуты, почти поголовно знавшие, кроме своего, и монгольский язык, очень быстро овладели русским. Благодаря русским казакам и служилым людям телеуты (как и шорцы) узнали о печеном хлебе, заготовке сена и, главное, усвоили превосходство оседлой жизни над кочевой.

Конечно, таких было немного. Но именно сторонники оседлости в среде телеутов пытались заставить своих князьцов вести курс на сближение с русскими властями. А когда это не удалось в полной мере, часть телеутов, среди которых были и знатные люди, стали думать о переходе в подданство «белого царя».

В русское подданство подталкивало телеутов нестабильное положение Большого Улуса, тяжелые условия материальной жизни.

Кроме того, в правящей верхушке телеутского государства шла бесконечная распря. Князьцы воевали между собой. Джунгарские феодалы систематически делали набеги на стойбища телеутов и грабили их на нитки. К тому же с рядового телеута дань брал не только собственный князец, но и те же западномонгольские феодалы из Джунгарии. Некоторые телеуты мечтали о службе «белому царю» за оклад в виде хлеба, соли и денег.

Все эти обстоятельства способствовали уходу некоторой части телеутов Большого Улуса в пределы русских владений. К началу 30-х годов XVII века по согласованию с князьцами Большого Улуса территория всего современного Прокопьевского района входила в состав Кузнецкого уезда. Неслучайно уже в 1630 году кузнецкий воевода князь И. Волконский в письме томскому воеводе И. Ф. Татеву сообщает, что телеут Тенебек «прибежал» в

Кузнецк с важными военными вестями.

В 1633 году на реке Ускат поселились пять телеутских семей, сбежавших из Большого Уската. Их возглавлял Кошнакай.

Из года в год в пределах Кузнецкого уезда на реке Ускат появлялись новые беглецы. В 1671 году здесь проживало 94 телеутских семьи. Главы 23 из них находились на царской службе, получая казенный оклад и не занимаясь хозяйством, остальные платили ясак царскому правительству по одному соболу с мужчины в год.

Исторические документы донесли до нас фамилии, имена и прозвища первых телеутов, перешедших в русское подданство. Это Мамрач, его взрослый сын Баскаул Мамрачев, Сурнояковы, Суртаевы, Торгаевы, Изибекеры, Тюлемышевы, Иткеевы, Котонко (Кутон).

В последние десятилетия XVII века на Ускат переселилось еще несколько десятков телеутов. В 1688 году община ускатских телеутов состояла из 44 семей, в которых проживало от 700 до 800 человек. Учитывая малочисленность первых русских поселений Прокопьевского района (а во всех названных выше деревнях россиян проживало не более сотни человек), можно сказать, что история данного края в XVII веке – это в основном история ускатских телеутов.

Несколько десятков ускатских телеутов поступили на царскую службу. Вместе русскими казаками и служилыми людьми отражали они набеги монгольских феодалов, кыргызских князьцов и бывших своих повелителей из Большого Улуса.

Немалое их количество погибло в боях. Так, только в сражении под городом Кузнецком в 1688 году пало 23 служилых телеута. Среди погибших были Галтуев, Алгацах, Алгаш, Балбаш, Галзун...

Служилые телеуты были отличными разведчиками. Проникая в глубь алтайских степей, они без особого труда от бывших знакомых и родственников узнавали о планах князьцов Большого Улуса.

Нередко телеуты-разведчики проникали в Монголию.

Поскольку они почти поголовно владели монгольским языком, для них не составляло большого труда узнать о важных политических и военных замыслах монгольских феодалов и их ханов. Эти сведения для воевод Томска и Кузнецка были на вес золота.

Успешно выполняли телеуты и роль переводчиков-толмачей, служили проводниками в далеких походах, наиболее развитые из них и знакомые с военным делом являлись военными советниками при русских воеводах и воинских начальниках.

Сложился такой порядок приема беглых телеутов в русское подданство. Вначале они давали клятву на верность русскому царю. Через некоторое время принимали христианство. После этих двух обязательных церемоний телеут, по его желанию, мог поступать на службу царю или оставаться при своем хозяйстве и платить ясак.

Исторические документы донесли до нас имена первых телеутов, принявших христианскую веру. Это Мамрач, его сын Баскаул Мамрачев, Шаты Бойдаев, брат и сестра Буянаковы, Чучке Барсугачев, Суртай, Кутон (Котонко), Бурлак, Торгай. А первым из первых был телеут Кошнакай.

Российские власти высоко ценили новых подданных и вставали на их защиту, если им что-то грозило.

Представители ускатских телеутов в 1672 и 1674 годах ездили в Москву и были удостоены аудиенций у самого царя Алексея Михайловича и его сына Федора Алексеевича. Царские гости были одарены деньгами, тканями и другими подарками.

Сразу после переселения на Ускат телеуты начинают переходить к оседлому образу жизни. Стойловое содержание скота подталкивает их к заготовке сена, как это делали русские. В исторических документах мы находим сведения о том, что у телеута Бакмаева в 1671 году имелось сто копен заготовленного сена.

В 1688 году ускатские телеуты обращаются к уездным властям Кузнецка с просьбой отвести им сенокосные угодья, а также пахотные земли. Башлык (староста) Давыд Торгаев просит выделить земли «в том месте по Ускату повыше Кыргаю до

вершины Ускатской. А ниже по Ускату (ниже впадения в него Кыргая – В. Ш.) до пашен конных казаков Бориски Недоревова да Гришки – плотника».

В настоящее время упомянутые территории входят в состав Красулинского сельского совета Новокузнецкого района, а также в Большеталдинский, Терентьевский, Севский, Бурлаковский, Карагайлинский сельские советы, Трудармейский поселковый совет. Телеутам принадлежали территории, где ныне расположены поселки городского типа Красный Брод, Артышта Вторая и северо-восточные кварталы города Киселевска.

Кочевники оказались способными учениками. Уже в начале XVIII века они сеяли ячмень, рожь, пшеницу, овес, горох. У русских научились не только сеять и пахать, но и убирать хлеба, молотить, молотить и т. д.

При обработке земли телеуты пользовались деревянной сохой русского образца с металлическим наконечником. Бороны делали тоже из дерева. Молотили снопы цепями. Научились ставить хлеб в суслоны, строили риги, амбары, гумна. Женщины-телеутки научились стряпать хлеб.

В XVIII веке ускатские телеуты получали по 45 – 50 пудов (7 – 8 центнеров) с гектара. Каждая семья намолачивала в среднем от 200 до 300 пудов зерна в год. Этого хватало на пропитание и на посев.

В первые годы на Ускате телеуты проживали в юртах, но к концу XVII века многие из них рубили себе избы. Появились и сараи для скота, а также загоны, которых кочевники не признавали никогда. Телеутки с начала XVII века стали обрабатывать небольшие огороды, высаживая морковь, брюкву, свеклу, позднее капусту.

Все это заимствовалось у русских казаков и крестьян, с которыми у них сложились хорошие деловые отношения. Ускатские телеуты познакомились с калачевцами, шарапцами, жителями Лучшева, деревни Недорезова (ныне Новокузнецкий район) бывали они и в Кузнецке, где имели знакомых. Телеутские девушки выходили замуж за русских парней еще в XVII веке, что

способствовало сближению россиян и бывших кочевников.

Занимаясь скотоводством, осваивая новые для себя виды деятельности (зерновое хозяйство, огородничество), ускатские телеуты не пренебрегали и охотой. Возможно, они и бросили бы ее, но царские власти требовали ясак в виде пушнины. Это и заставляло всех ясачных мужчин-телеутов с октября по апрель зимовать в тайге, добывая тяжким трудом соболя, лисицу, белку, марала, лося, медведя и других зверей.

Во время охоты телеуты использовали древнее охотничье снаряжение – луки и особые охотничьи стрелы, которые свистели во время полета, завораживая зверька своим особенным звуком.

С конца XVII века телеуты стали использовать на охоте огнестрельное оружие, русские капканы, научились охотиться с собаками. Ходить на лыжах телеуты научились у шорцев. У этого же, близкородственного им народа, они научились охотиться не в одиночку, а небольшими артелями (по 5 – 10 человек).

В конце XVII – начале XVIII века нередко в артелях охотников-телеутов можно было встретить и русских. В исторических документах мы встречаем упоминание о совместной охоте телеутов с русскими: Б. Недорезовым, А. Сачковым, И. Митрофановым, А. Старченко и И. Старченко.

В летнее время занимались ускатские телеуты и рыболовством. В те далекие годы на Ускате, его притоках, на Кара-Чумыше, на Томи они вылавливали щук, налимов, осетров, стерлядь, тайменей, плотву, линя и многие еще виды рыбы. Рыбу сушили и вялили, а потом под влиянием русских стали ее солить. Ловля рыбы велась самодельными сетями. На малых реках строили запоры, то есть перегораживали реку деревянной изгородью, и когда рыбы, стремящейся вверх по реке на икрометание, становилось очень много, ее просто вычерпывали в разного вида посуду.

Одна из рек Прокопьевского района названа телеутами Кармак, то есть «речка, где можно ловить рыбу».

Собирательство носило у телеутов вспомогательный характер. И все-таки они набирали впрок колбы, дикого лука,

сараны, ягод. Собирали на Кара-Чумыше кедровые орехи. У русских телеуты узнали, что грибы съедобны, и тоже стали их заготавливать впрок.

Ускатские телеуты умели обрабатывать кожи домашних животных и шкурки зверей. Изготавливали обувь, одежду, упряжь. Из дерева умели строить лодки-долбленки, колоды, деревянные ступы, ложки.

Выше уже упоминалось о торговых отношениях телеутов с русскими в XVII веке, позже торговля приобретает систематический характер. Телеуты гнали в Томск и Кузнецк стада крупного рогатого скота, лошадей, овец. В исторических документах встречается такая запись: «Тишка Великосельский и Еремка Степанов купили у телеутов коня рыжего да коня каура да девять овец, а Степан Бабарыкин купил коня сива, коня каура, да кобылу кауру, да коня бура, а Петр Колмогор коня рыжа». Скот телеуты продавали очень дешево. Взрослый конь на рубеже XVII – XVIII веков стоил 26 алтын, корова – 20, а овца – 10. Предприимчивые русские казаки и крестьяне, не говоря уж о купцах, закупали у телеутов целые стада и гнали на Урал и в Европейскую Россию, где с выгодой сбывали его.

В XVIII, да и XIX веках существовал натуральный обмен. Телеуты отдавали скот за водку, ткани, табак, металлические орудия труда и оружие.

Телеуты делились на две группы. Большинство платило ясак и являлось как бы государственными крестьянами или, говоря языком того времени, «ясашными инородцами».

Телеуты-ускатцы были вольными крестьянами и, если зависели от кого, то от тех же башлыков (старост) и наиболее состоятельных хозяев.

Получив от русского правительства земли по Ускату, они имели надежные гарантии для владения ею. Если кто-то из русских крестьян пытался поселиться на земле ускатцев, разрешения он получить не мог. Государство защищало интересы своих новых подданных более рьяно, чем россиян. Об этом говорит следующий пример. В 1709 году русские крестьяне Илья Солнышков и

Матвей Елунин обратились к кузнецкому коменданту с просьбой о поселении на реке Кара-Чумыше. Им было отписано следующее: «по скаске ясачных инородцев башлыка Чаабаша Сарыбашева да пригородного телеута Давыдки Торгаева... по Чумышу-реке всякими угодьями с давних лет владеют они, промышляют на оной реке для казны лисиц и бобров».

В административном отношении в XVII – XVIII веках ускатские телеуты объединились в «Улус ускатских телеутов» во главе с башлыками, которых назначали кузнецкие уездные власти. Первыми башлыками были Мамрач, затем его сын Баскаул Мамрачев (уже хорошо нам знакомые).

После них долгие годы управлял телеутами Давыд (Давыдко) Торгаев. В XVIII веке от главного улуса отпочковались новые административные единицы-улусы. В 1709 году появились улус Суртаева и Поросенкова.

Телеуты Суртаева стали проживать между реками Аба и Кара-Чумыш, на территории современного города Киселевска, а также в пределах Трудармейского поселкового, Верх-Чумышского и Верх-Егосского сельских советов.

Башлыки, а также владельцы крупных табунов лошадей и другого скота у телеутов ускатских именовались по русскому образцу «лучшими людьми». В число «лучших» входили Мамрачевы, Торгаевы, Суртаевы, Кутоновы, Бурлаковы. Представители этих кланов командовали служилыми телеутами, являлись судьями, брали в свои хозяйства ясырей (пленных). Телеутская голытьба кормилась при дворе «лучших». Большую часть телеутских семей можно отнести к среднему слою.

Женщины у телеутов фактически были бесправны, они выполняли функции домашних рабынь. Их рабочий день длился от темна до темна. В таких же условиях жили в те времена русские крестьянки.

Рождаемость в телеутских семьях, как и в русских, была высока, но высокой была и смертность. Потому телеутская семья в XVII – XVIII веках состояла в среднем из пяти человек (как и русская сибирская семья того времени).

И все-таки условия жизни ускатских телеутов во всех отношениях были намного легче, чем их соплеменников в «Большом Улусе».

«Большой Улус» как государственное объединение исчез в начале XVIII века. Джунгарские ханы, не без участия русских властей, насильно угнали всех обитателей «Большого Улуса» в Западную Монголию, где полвека спустя большинство телеутов погибло во время разгрома Джунгарии маньчжурскими оккупантами.

Часть телеутов бежала в пределы России, где и поселилась. Телеуты ускатские продолжали спокойно жить на территории современного Прокопьевского района вплоть до 30-х годов XIX века, когда для них наступили годы решающих перемен.

К этому времени все ускатцы были христианами. Это обстоятельство и привело их к крутым переменам в жизни.

В первой четверти XIX века царское правительство и православная церковь на волне мощного патриотического подъема в России, в связи с победой над Наполеоном, приняли решение христианизировать в полном объеме все коренное население Сибири.

В 1828 году была создана Алтайская духовная миссия. Она должна была обратить в лоно православной церкви шорцев, проживавших в глухих углах Шории, и горных алтайцев, большинство которых исповедовали все, что угодно, но не христианство православного толка.

Русская церковь не имела в большом количестве своих миссионерских кадров. А если русские священники соглашались идти в глухие поселения шорцев и горных алтайцев, то от них быстрых успехов ожидать не приходилось. Ведь они не знали ни обычаев, ни языка, ни религиозных убеждений будущих христиан.

В Алтайской духовной миссии хорошо знали об ускатских телеутах как о примерных христианах, преданных русской православной церкви и русскому государству. Члены миссии решили обратиться к ускатцам с просьбой о помощи в христианизации горных алтайцев.

Телеутам предложили переселиться в северную часть современной республики Горный Алтай. Им выдавалось солидное денежное вознаграждение, предоставлялись хорошие пастбища и пахотные земли на новом месте жительства и прочие льготы. После бурных обсуждений большинство ускатских телеутов дали согласие на переселение. К этому их подталкивало и еще одно серьезное обстоятельство. С конца XVIII века усиливались противоречия между ускатскими телеутами и русскими крестьянами, которые стремились заселить бассейн Уската, верхней Абы и Кара-Чумыша. На этой почве происходили стычки. Власти Кузнецкого уезда особенно горячо выступали за переселение телеутов на новые земли, так как именно они были вынуждены разбирать бесконечные жалобы и телеутов, и русских крестьян.

В 30-е годы XIX века началось переселение телеутов в Горный Алтай. В то время там появились их деревни Черный Ануй, Улала (ныне город Горноалтайск), Кокша, Мьюта, Ангадаево, Ильинское. Несколько позже появились такие поселения, как Чемала, Быстрянское, Сарасы. Переноса тяготы новопоселенцев, ускатцы не забывают и о своих миссионерских обязанностях. Наиболее развитые из них – Суртаевы, Кутоновы, Торгаевы – рассказывают горноалтайцам на телеутском, близком алтайскому, языке о христианской религии, приобщают их к оседлому образу жизни.

Проповедник и миссионер М. В. Чевалков переводит для алтайцев русские религиозные книги. Телеут Чевалков становится впоследствии первым писателем Горного Алтая. Выдающимися собирателями алтайского фольклора становятся телеуты Н. Я. Никифоров и Г. Токмашев.

Оставшиеся на Ускате телеутские семьи в течение XIX века полностью обрусели. Их потомки Кабины, Торгаевы, Кутоновы, Бурлаковы и другие и ныне проживают в Старосергеевке, Бурлаках, Кутонове, Большом Керлегеше, в Киселевске, Прокопьевске и повсеместно по области и в России.

Ускатские телеуты оставили память о своем проживании

на территории Прокопьевского района в ряде географических названий: в именах рек Талда, Кыргай, Улуса, Керлегеш, Егултыс, Акчурла, Саланди, Кольчигиз, Егос, Карагайла, Карагайчик, Чунгуш, Изора, Кармак, Артышта и др. (подробнее см. главу «Реки Прокопьевского района»). По именам рек названы многие населенные пункты района.

Там, где в XVII веке основали свои стойбища телеуты Бурлак и Кутон (Котон), после их переезда на Алтай поселились русские крестьяне. Названия сохранились прежние – Бурлаки и Кутоново, в которых и проживают до настоящего времени прямые потомки тех телеутов, кто в XIX веке не захотел переехать на Алтай, а остался жить рядом с русскими поселенцами.

После переезда основной массы телеутов на Алтай бассейн Уската, Верхней Абы, лесостепное побережье Кара-Чумыша стремительно осваивается русскими крестьянами.

БОГАТЫРЬ ТЮРКОЛОГИИ В КУЗНЕЦКОМ УЕЗДЕ

1998 год – год памяти великого русского тюрколога, этнографа и археолога Василия Васильевича Радлова, скончавшегося и похороненного в Петербурге в бурном 1918 году. Его научное наследие громадно. Если бы он не создал ничего, кроме четырехтомного «Опыта словаря тюркских наречий» - все равно он вошел бы в десятку величайших лингвистов мирового класса. У нас в России рядом с ним можно поставить только Владимира Ивановича Даля.

Научная деятельность Радлова в течение 60 лет, то есть всю его сознательную жизнь (он прожил 81 год), была связана с Сибирью и ее тюркоязычными народами. Одиннадцать лет он прожил в Барнауле, потом жил в Казани и, наконец, в Петербурге, но до конца его дней Южная Сибирь жила в его душе, в его мозгу и сердце.

Европейский ученый мир узнал о таких народах, как шорцы и телеуты, благодаря В. В. Радлову, который издал книгу «Письма из Сибири» на немецком языке еще 115 лет назад. В ней он показал уровень жизни инородцев так правдиво, что книга в царской России не была издана, да и в советской России ее держали под спудом до 1989 года.

Мощное влияние В. В. Радлова и его научных трудов сказалось на всей тюркологической науке XX века, на ее представителях советской эпохи. Огромное влияние Радлова испытали на себе и выдающиеся исследователи шорского и телеутского языков Н. П. Дыренкова и Н. Ф. Бабушкин.

Только один месяц (с 12 мая по 12 июня 1861 года) путешествовал еще юный Радлов по Кузнецкому уезду. Цель была проста – изучение жизни, быта, языка и фольклора шорцев и телеутов. Так пройдем же тропой ученого и посмотрим на наш край глазами исследователя и честного, образованного человека европейской выучки.

Роль немецких ученых в становлении основ ряда отраслей русской науки в XVIII веке огромна. Десятки немцев тогда занимали ключевые позиции в российской истории, физике, географии и т. д.

Однако уже в XIX веке основная масса ученых России – коренные русские. И все-таки изредка в Петербург приезжают молодые немцы и остаются в России на всю жизнь. Среди них был и выпускник Берлинского университета Фридрих Вильгельм Радлофф, прибывший в Санкт-Петербург летом 1858 года. Он собирался изучать в России тунгусо-маньчжурские языки, но экспедиция не удалась, и Василий Васильевич Радлов (так его стали называть у нас в России) прибыл в Барнаул, где стал работать преподавателем немецкого и латинского языков в местном техническом училище, а потом и в гимназии.

По предварительной договоренности с Российской Академией Наук каждое лето молодой ученый должен был совершать научные экспедиции по Южной Сибири, изучая языки, фольклор, быт местных тюркских народов. Академия выплачивала Радлову по семьсот рублей каждое лето, что было как нельзя кстати. Ведь собственных средств у молодого лингвиста не было. Он родился в Берлине в семье полицейского. Отец дослужился до высокого чина. В год отъезда сына в Россию Радлофф-старший являлся полицеймейстером города Берлина, однако богатств не стяжал – видимо, был честным полицейским.

Русский язык Фридрих (Василий) изучил еще в Германии, а вот алтайскому языку обучал его Яков Тонжан, телеутскому языку Радлов учился у телеута Михаила Чевалкова. Оба хорошо владели русским языком, а значит, ученый черпал от них знания и по русскому языку.

Летом 1860 года Радлов с небольшим отрядом отправляется в Горный Алтай. Через год объектом его изучения становится Кузнецкий уезд.

Прямого пути из Барнаула в Кузнецк тогда еще не было. Радлову пришлось продвигаться сначала на север от Барнаула, затем по территории современной Новосибирской области на восток. 12 мая 1861 года он прибывает в деревню Касьму (территория современного Гурьевского района) в «Дневнике» он записывает: «Недалеко от Касьмы горел лес, и довольно большой отрезок пути мы ехали в дыму». Так встретила земля Кузнецкая молодого тюрколога... В «Дневнике» он записывает, что в Касьме золотомойня (золотой прииск), но золота давно не добывают. Он потрясен красотой Салаирского края. «Еще нигде в Сибири я не видел такого плотного населения, как здесь. Каждые две-три версты мы проезжаем селение, и еще многие виднелись со всех сторон.

Одной из целей данной экспедиции В. В. Радлова было изучение языка телеутов, проживавших в Кузнецком уезде на реках Ур и Бачат. Через русскую деревню Брюханово (в записи Радлова Быканова) и село Ур-Бедари прибывает он в телеутский улус Урский. Здесь останавливается в доме купца-телеута Николая Сартлаева. «Старик-купец живет по-русски. Его дом срублен из бревен. Двухэтажный. На первом этаже чуланы и кухня, верх разделен сенями на две половины. Справа две комнаты старика-хозяина, слева очень большая комната сына с женой и детьми», - отмечает исследователь. Уже тогда, почти сто сорок лет назад, телеуты Урского одевались по-русски. Почти все они и говорили по-русски. Удивило Радлова то обстоятельство, что почти никто из телеутов православной веры не принял. В улусе жило два шамана, которые, видимо, не пользовались авторитетом у земляков. В избе шамана Радлов увидел грязных голодных детей, изумительно оборванных и тоже грязных женщин. Шаманский бубен валялся посреди избы. Сам шаман признался ученому, что не имеет власти над духами и пожаловался, что телеуты Урского теперь большинству духов посвящают только шкуры жертвенных

животных, а мясо съедают сами.

В улусе Урском проживало десять русских семей, которые, к изумлению Радлова, по документам значились телеутами. Они записались инородцами, чтобы в армии не служить и налогов платить поменьше.

Собрав несколько сот телеутских фраз и тысячи слов, Радлов покинул Урский улус и направился в улус Солкой (современное село Челухоево Беловского района). В том 1861 году в Солкое имелось 60 деревянных домов и 6 плетеных хижин. Здесь проживали не только телеуты из племени теленгит, но и представители тюркского племени аш-кештим (ас-кештим). Православие приняли немногие. Как и в Урском, здесь проживали два шамана. В. В. Радлов пытался поговорить с ними, но оба служителя культа были так пьяны, что беседа не состоялась. Большинство жителей Солкоя, как и Урского, занимались земледелием и животноводством. В Солкое Радлова приняли за крупного чиновника и стали жаловаться на уездные и волостные русские власти. Особый страх они испытывали – отмечает Радлов – перед крещением и допытывались, будут ли их насильно обращать в христианскую веру. Василий Васильевич сумел убедить их, что подобное невозможно.

Побывал Радлов и в улусах Шанда и Улууиле (в переводе «большая деревня»). Улууил (скорее всего, это ныне поселок Старобачаты Беловского района) являлся как бы столицей бачатских телеутов, а вся территория от реки Ур на севере до границы современного Прокопьевского района именовалась «землей Байат (Бачат)». В телеутском языке Байат (Пайат) – бог.

За четыре дня пребывания в телеутских поселениях Радлов исписал несколько сот страниц. Здесь были десятки телеутских сказаний, сотни пословиц и поговорок, масса фразеологических сочетаний и слов.

Всю ночь с 18 на 19 мая В. В. Радлов продвигался на юг, к городу Кузнецку. Проехали русские деревни Соколовку, Терентьевку, (в записи Радлова Терешки) и Недорезову. Утром оказались в селе Ильинском. Здесь переправились на правый

берег Томи и по территории современного Заводского района города Новокузнецка двинулись к Кузнецкой крепости. У крепости Радлов велел остановиться. Перед ним открылась долина реки Томи. Позднее он описал Кузнецк и его окрестности так: «Расположен Кузнецк прекрасно. Открывается чудесный вид на обширную зеленую равнину, перерезанную светлой полосой Томи, по берегам которой, живописно сгруппировавшись, тянется город. На возвышенности стоит старая крепость. По ту сторону Томи извивается Кондома и впадает в нее напротив Кузнецка. Когда я ехал с крепостной горы вниз по очень опасной крутой дороге, я ушел мыслями в историю этого старого бастиона русского могущества на Алтае. О чем могли бы рассказать эти старые стены? Сколько битв они видели? Часто наступали на них телеуты. И лишь благодаря мужеству и отваге небольшому гарнизону казаков удавалось отразить многочисленного врага». В. В. Радлов не знал еще, что каменная крепость была построена на рубеже XVIII - XIX веков, что в XVII – XVIII веках Кузнецкий острог был деревянным, что главными врагами русских тогда были не телеуты, а кыргысы (предки современных хакасов) и западно-монгольские феодалы (джунгары).

Путешественник был потрясен убожеством Кузнецка. Поселили его в голой комнате, где было два стула и столик на трех ножках, который мог стоять только прислоненным к стене. «В самом городе, - записывал он в дневнике, - не чувствуется никакой жизни. На улицах, по которым я много бродил, мне лишь изредка встречались крестьяне и горожане, иногда чиновник, чаще попадались оборванные солдаты местной инвалидной команды». Городок был так мал, что Радлову хватило трех часов, чтобы обойти его вдоль и поперек. Он увидел, что каменных зданий здесь всего четыре: две церкви, крепость да один купеческий дом. Удивился исследователь и тому, что абсолютное большинство домов горожан были построены без фундаментов, и потому все покосились.

Основным занятием кузнечан и крестьян окрестных сел и деревень было табаководство. Радлов отмечал, что табак здесь

рос прекрасно.

На кузнецком рынке в мае 1861 года цены на продукты питания были в два раза выше, чем в Барнауле. Так, пуд говядины в Кузнецке стоил 4 рубля, в Барнауле – 2 рубля, килограмм масла соответственно 70 и 35 копеек, пуд пшеничной муки в Кузнецке – 90 копеек, в Барнауле – 50...

Если до Кузнецка Радлов добирался в повозке, отдаленно напомилавший карету, то из Кузнецка вверх по Томи, к шорцам, ему пришлось ехать на обычной крестьянской телеге. За городом, там, где ныне дымят алюминиевый и ферросплавовый заводы, шла тропа. Вокруг было болото. Тележные колеса оставляли за собой две глубокие колеи, сразу наполнявшиеся водой. До деревеньки Фиски (ныне Байдаевка) добирались четыре часа. Сейчас на автобусе от старокузнецких Топольников до Байдаевского моста – полчаса пути. На том самом месте, где ныне – упомянутый мост через Томь, в XIX веке появилась паромная переправа. Она просуществовала свыше ста лет. Томь широка и быстра у Байдаевки, красива необычайно, что не забыл отметить в «Дневнике» чрезвычайно сентиментальный путешественник В. В. Радлов. До села Атаманова от Байдаевской паромной переправы не больше километра, но из-за отвратительной дороги добирались более часа.

Атамановцы не интересовали ученого. Ведь они принадлежали к русскому племени. Он спросил у них о дороге дальше на восток. Ответ был однозначен: сухопутной дороги нет. До шорских аалов добраться можно только по реке Томи. Они же, атамановцы, взяли за невысокую плату доставить экспедицию Радлова до последней русской деревни Протока (Безруково). Увидев небольшие лодочки русских крестьян, Василий Васильевич заколебался. Длина лодки не превышала 4 метров, а ширина – 80 см. Он писал потом, что лодки были изготовлены из мощного ствола местного тополя. «Два сильных бородатых мужика из Атаманова, - писал в тот же день к вечеру Радлов, - с помощью шестов погнали лодку вверх по Томи. И, несмотря на сильное встречное течение, она стрелой летела

вперед, параллельно горам, нависшим над правым берегом реки».

Поздно вечером причалили к берегу. Деревня Протока (Безруково) делилась на две части. Русская Протока В. В. Радлова не интересовала, и потому он и его спутники сразу направились в Протоку шорскую, расположенную несколько восточнее русской. Летом 1860 года В. В. Радлов вместе с женой путешествовал по Горному Алтаю, видел жизнь тамошних аборигенов, испытал такое, о чем и не догадывался. Он увидел неприкрытую нищету и повальное пьянство алтайских тюрок... Безруковские шорцы своим образом жизни его сразили наповал. В «Дневнике» читаем: «Татарская (т. е. шорская – В.Ш.) часть деревни выглядит жалко. 20 – 25 хибар в беспорядке. Все свободное пространство между ними примерно на полметра толщиной покрыто нечистотами, которые воняют нестерпимо. В доме пашлыка (старосты) – хуже всех. С хозяина остатки одежды свисают ключьями. На голове грязная тряпка». Для дальнейшего продвижения к устью реки Мрас-су Радлову нужны были лошади. Он изложил свою просьбу пашлыку, сказал и об оплате. Пашлык собрал зачем-то все население улуса. Человек сто, в основном мужчины, одетые в лохмотья, все вместе стали очень громко кричать и размахивать руками. «Говорили они на смешанном русско-шорском наречии. Вопли продолжались часа два. И все это возбуждение возникло из-за трех лошадей и двух сопровождающих», - записал В. В. Радлов.

Уже в темноте самый богатый из безруковских шорцев пригласил путешественника на ночевку в свой дом. В избе была страшная жара. Почему-то топилась огромная русская печка, занимавшая половину жилища. Запах колбы и сивухи был столь силен, что Василий Васильевич чуть не задохнулся. Вскоре в избу набилось несколько десятков гостей. От них разило перегаром араки. Несмотря на врожденную деликатность, В. В. Радлов выгнал вдребезги пьяных. Остались слегка выпившие. С ними, обливаясь потом, он беседовал и делал записи шорских слов словосочетаний.

Из Протоки (Безруково) В. В. Радлов и его спутники

продвигались вверх по Томи верхом на лошадях. На лодках везли багаж экспедиции. Ненадолго остановились в шорском улусе Палбы (позднее Балбынь). Шорцы этого улуса жили лучше безруковских. Большие рубленые дома. У всех огороды и даже заборы. Все палбинцы приняли православную веру. В их шорской речи была масса русских заимствованных слов, что свидетельствовало о постоянных контактах с русскими. Большинство палбинцев свободно владели русским языком.

24 мая 1861 года В. В. Радлов перебрался на правый берег Томи и посетил шорское поселение Праспельтеринде. Ныне оно именуется по-русски Усть-Мрасский, что является дословным переводом с коренного шорского названия.

В. В. Радлов увидел здесь сорок рубленых по-русски домов. Все шорцы были крещеными, одевались по-русски. Мужчины неплохо говорили по-русски. Женщины общались только на шорском языке. Основным занятием местных шорцев, как и палбинцев с безруковцами, было рыболовство. Животноводством и земледелием занимались слабо. Зерно, в основном ячмень, покупали у русских крестьян деревень Безруково и Падабас. Жители Праспельтеринде занимались охотой тоже в незначительном объеме. Добывали белку, соболя, огненную куницу, горностаю и лисицу. Женщины вязали рыболовные сети. Их сбывали в Кузнецке по очень низкой цене. Погонная сажень сети (2 м 10 см) стоила две копейки. Вечером 24 мая В. В. Радлов со спутниками покинул Праспельтеринде. Переправившись на левый берег Томи, они двинулись вверх по Мрас-су. Уже затемно их встретили жители Кызыляра (ныне территория города Мыски). Встречавшие исследователя шорцы радовались беспредельно. Самый богатый из них на хорошем русском языке пригласил Василия Васильевича в свой дом. Жилище было хорошо обставлено мебелью. Радлов увидел ковры, европейские стулья, шкафы, сундуки. Впервые за весь путь от Барнаула ему удалось вкусно пообедать, о чем он поведал своему «Дневнику»: «На столе были не только настоящий печеный хлеб, яйца, чай, но и мед, масло, молоко, рыба и кедровые орехи». Этот памятный

обед был назван Василием Васильевичем «Лукулловым пиром».

Все шло хорошо, но по случаю приезда гостя и сам хозяин, и вся деревня так напились, что не удалось ученому поговорить с ними, что-то внести в свои толстые общие тетради.

25 мая экспедиция прибыла в улус Сыбыргы (ныне здесь Сибиргинский угольный разрез). По сравнению с соседним Кызыляром поселение это было жалким, хуже всех предыдущих. Если кызылярцы вели торговлю в солидных объемах, пушнину везли аж на Ирбитскую ярмарку, то сыбыргынцы о торговле и понятия не имели, систематически голодали. У них не было не только мяса и масла, но и ячменная лепешка появлялась на столе раза три в год. Сыбыргынцы были худы и костлявы. И В. В. Радлов подумал, что они рано умирают. Но один факт разубедил ученого. К нему подошел тщедушный старичок. Разговорились. Василий Васильевич спросил шорца:

- Сколько вам лет?

Старичок, не задумываясь, ответил:

- Чус иги.

- Не может быть! – воскликнул Радлов. Но старик повторил твердо:

- Чус иги, - и добавил по-русски, - сто два года. Все знают.

Сыбыргынцы формально все приняли православие, твердо усвоили, что надо креститься и проделывали понравившееся им телодвижение к месту и не к месту. Василий Васильевич узнал, что попа, изредка наезжавшего в Сыбыргу, ждут здесь с особым нетерпением. «Почему?» - спросил он у шорцев. Те стали улыбаться и сказали, что батюшка дает шибко сладкую красного цвета араку. «Кызыл арака», - с удовольствием повторяли они. Весь день в Сыбырге Василий Васильевич записывал шорские сказки. «Только водкой, - читаем мы в дневнике, - удавалось поддерживать в моем исполнителе хорошее настроение и бодрость духа».

Весь день 26 мая В. В. Радлов продвигался вверх по Мрассу. Проехали шорские улусы Чабаш (ныне Чувашка), Каинчак. К вечеру добрались до селения Тос. Русские называли его Сосновой

Горой. О жителях перечисленных шорских поселений в своем «Дневнике» Радлов ничего не сообщает. В Тосе он отдыхал и делал записи.

В течение пяти суток с 29 мая по 2 июня собиралась экспедиция до улуса Челей (ныне средний Челей). Шли вверх по Мрас-су на трех шорских лодках. Более ста километров продвинулись на юг за это время. Стояла солнечная погода. В. В. Радлов не переставал восхищаться природой, рекой, первозданной тишиной гор и лесов. Сошли на берег, и восторг европейца сменился унынием. В улусе Челей было 11 бревенчатых хижин без печей, полы из глины. Примитивный очаг посередине хижины, в потолке – дымовое отверстие. Скамейки выложены березовой корой. «Вдоль стен, под потолком – жерди, на которых висят одежда, утварь, сети, ружья и все, что может висеть, - записывает Радлов и продолжает, - шорцы-челейцы очень пугливы. При приближении чужих людей убегают в тайгу, только подарки могут удержать их в селении. Это страх перед русскими имеет свои основания. Русский купец, которого они знают, разоряет их, деятельность священника им непонятна, грубые русские парни из соседней золотомойни внушают ужас уже одним своим свирепым видом».

Из бесед с челейцами ученый выяснил, что все они не приняли еще христианской веры. Но и шаманов в селении тоже не было. Верят они богу Кудаю, который создал землю. А второе имя его Мыколай. Так восприняли челейцы имя православного Николая Чудотворца.

После Челея В. В. Радлов посетил улусы Урунаргу (Длинный Перевал), Аккая (Белая Скала) и Кызылкая (Красная Скала). Здесь ученый встретил ужасающую нищету. «Беднее людей нет во всем Алтае, - записал он в «Дневнике», - эти шорцы едят только ячмень, колбу да корни кандыка. Весной умирают от голода. Спасаясь от смерти, бегут на русские золотомойни и в соседний зажиточный улус Каргу. В Карге 40 дворов. У пашлыка есть еще и зимний дом. Много скота. Голода каргинцы не испытывают. Но одеты все в лохмотья. Шорцы на это не

обращают никакого внимания».

Из утвари у каргинцев были только котлы для варки еды. Посуды – мисок, чашек, кружек, ложек и вилок – не было совсем. Кусок бересты заменял им и чашку, и кружку, и ложку...

Из Карги экспедиция Радлова двинулась к улусу Таяш (ныне поселок Чилису-Анзас). Затем повернули на запад и прибыли в улус Ашкина. Здесь ученый встретился с шорцем-кондомцем, который называл себя Степкой. Степка – богач. Несколько его лошадей и десять коров паслись неподалеку от улуса. В большом доме – посуда, сундуки, одежда. По рассказам соседей, Степка скупает золото у русских рабочих окрестных золотомоен. Побывал В. В. Радлов в соседнем аале Кыджи (ныне Кычи). Здесь тоже был свой богач, некий Сарыкран, у которого, кроме девяти коров, было 70 ульев пчел. В Кычи Радлов записал десятки сказок и несколько сотен шорских фраз.

Основная масса шорцев, проживавших в бассейне Верхней Кондомы, питалась ячменем. Ячневая каша на воде или молоке и талкан – вот и вся еда.

Проехав всю Шорию, от Протоки (Безруково) на севере до Кычи и Корана на юге, В. В. Радлов пришел к выводу, что татары верхотомские (Протока, Палбы, Праспельтеринде), мрасские (от Кызыляра до Таяша) и татары кондомские - единый народ. И он дал ему имя по названию крупного племени Шор.

Последним пунктом земли Кузнецкой, в котором останавливался будущий великий тюрколог, был поселок Спасск. Он был центром добычи золота на юге Кузнецкого уезда. Таким увидел Спасск путешественник: «Расположен поселок в довольно широкой долине реки Кондомы. В поселке сотня домов, образующих длинную – от дома управляющего до реки – улицу. Все это производит весьма приятное впечатление благодаря чистоте и прекрасному расположению этого местечка. Для рабочих жизнь нелегка. Они вынуждены ходить на работу за тридцать верст на Александровскую золотомойню. В самом Спасске в то время золото уже перестали мыть. В. В. Радлов узнал, что с 1842 по 1860 годы на Спасской золотомойне добыли 69 пудов 15 футов золота,

то есть 1111 килограммов. В год, следовательно, намывали по 60 – 62 килограмма.

Наблюдая за жизнью Спасска, Радлов сделал вывод о том, что дисциплина среди рабочих строгая. Они получают ежедневные задания-наряды. Если работают сверх наряда, плату получают особую. Однако и в Спасске были проблемы. «В свободное время, - пишет Радлов, - в поселке скука, что ведет к сильному отупению и большой аморальности среди рабочих. Тяжкие преступления, совершаемые от скуки, здесь не в диковинку. Молодая женщина в бане перерезала горло ребенку соседки. После убийства призналась и объяснила окружающим, что мысль об убийстве давно ее угнетала. Жена одного рабочего подговорила мужа убить ее любовника. Муж не захотел исполнить пожелание жены из-за физической слабости и подговорил своего друга совершить убийство. Так и сделали».

12 июня 1861 года В. В. Радлов стал свидетелем празднования Святой Троицы в поселке Спасск. Он знал, что администрация поселка и золотомойни, чтобы не допустить повального пьянства, распорядилась выдавать рабочим водку в лавке золотомойни. Тут же, в лавке, они и были обязаны ее выпить безо всякой закуски. Радлов не сообщает, сколько на душу полагалось каждому рабочему. Несмотря на запугивание чиновников, рабочие умудрялись и выпить в лавке, и порядочное количество водки вынести в поселок. К вечеру большинство населения было в дым пьяно. Радлов пишет точнее: «Напились до полусмерти, шатались по улицам, кричали неистово, пытались петь. Когда стемнело, жители собрались на улице у огромных костров. Золотомойня, освещенная полусотней таких костров, являла собой своеобразное зрелище».

Спасский золотой прииск (золотомойня) принадлежал государству. Потому, считал Радлов, здесь соблюдалась дисциплина и относительный порядок жизни. Побывав на частном золотом прииске, ученый сделал следующую запись: «На частных золотомойнях население крайне безнравственно. Если на государственной золотомойне рабочие были постоянными, то на

частных собирался разный брод, среди которого немало беглых преступников. Потому на частных золотомойнях совершались самые жуткие преступления».

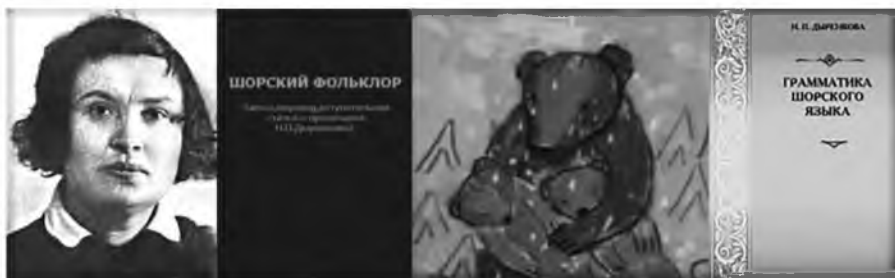
Из Спасска через Коуру экспедиция отправилась на юг, в Горный Алтай. Знакомство с Кузнецким краем, телеутами и шорцами закончилось. Василий Васильевич с любовью посматривал на десяток толстых тетрадей, в которых хранились его дневниковые записи и записи телеутских и шорских сказок, пословиц, поговорок, тысячи слов.

Он был счастлив.

Ст. Каменный Ключ, 1998 г.

«Огни Кузбасса», №№ 1 – 2, 1999 г.

ДВОРЯНСКАЯ ДОЧЬ

Имя женщины, о которой идет речь, почти забыто в Кузбассе, на Алтае и в Хакасии.

Между тем Надежда Петровна Дыренкова оставила глубокий след в изучении языков, этнографии и культа тюркских народов названных территорий. Особый вклад она внесла в изучение языка и фольклора шорцев, коренных жителей южных районов Кемеровской области.

И сегодня, спустя почти столетия после трагической гибели Дыренковой, ни один серьезный тюрколог, от аспиранта до академика, не может обойтись без научного наследия Надежды Петровны.

Ее труды по языку шорцев, алтайцев и хакасов, ее сборник «Шорский фольклор», десятки научных публикаций по этнографии и культу шорцев, телеутов и алтайцев уже в 30-е годы XX века поставили Н. П. Дыренкову в один ряд с крупнейшими представителями отечественной и зарубежной тюркологии.

В истории филологической науки нашей страны Надежда Петровна стала первой женщиной – исследовательницей тюркских языков, автором первой научной «Грамматики шорского языка», первого самостоятельного сборника «Шорский фольклор».

Надя Дыренкова родилась 31 мая (13 июня) 1899 года в деревне Соснинка Новгородской губернии, в семье мелкопоместных дворян. Родители состояния не имели. Будучи сами людьми образованными, они дали дочери хорошее

начальное образование. Мать с отцом сами учили Надю языкам: древнегреческому и латинскому, а также современным: английскому, немецкому и французскому. Они достигли многого. Достаточно сказать, что ко времени поступления в одну из женских гимназий Петербурга Надежда свободно владела английским, немецким и французским языками.

Первая Мировая, а затем Гражданская войны разметали семью Дыренковых. После окончания гимназии Надя осталась не только без родителей, но и без средств к существованию. С большим трудом летом 1918 года ей удалось устроиться учительницей начальных классов в одной из школ Лужского уезда Петроградской губернии. О продолжении образования нечего было и думать. Ведь она – дворянская дочь. Два года, проведенные в деревне, сблизили девушку с крестьянами, благодаря которым она в 1920 году получила от уездного наробраза документы, открывшие ей дорогу в педагогический институт Петрограда.

Но девушка чувствовала, что педагогическая работа – все-таки не ее судьба. С детства мечтала она о дальних путешествиях. И как только представилась возможность, она перешла из пединститута на этнографическое отделение Петроградского географического института, стала его студенткой.

Уже в студенческие годы во время летних каникул Надежда Дыренкова, как будущий специалист по этнографии, участвует в экспедициях по Горной Шории, Горному Алтаю, собирая материалы по этнографии и культу шорцев, телеутов и алтайцев.

Одаренная студентка за несколько месяцев, проведенных в экспедиции, сумела овладеть шорским языком и стала хорошо понимать алтайский и телеутский.

1925 год стал счастливым для Надежды Петровны. По окончании географического института ее приглашают на работу в качестве практикантки (аспирантки) в Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.

Ее научным руководителем становится крупнейший русский этнограф Лев Яковлевич Штернеберг (1861-1927).

Маститый ученый мирового класса, труды которого были замечены и высоко оценены еще Фридрихом Энгельсом, при первой встрече с Дыренковой сказал:

- Надежда Петровна, вы уже сложившийся исследователь. Вам остается только одно: собирать материал. Я знаю о ваших экспедициях в Шорию и Алтай. Одобряю. Изучайте не только этнографию, но и фольклор, языки, наречия и диалекты...

Под руководством Штернберга Надежда Петровна в 1925 году готовит к печати свои первые научные работы: «Род, классификационная система у алтайцев и телеутов», «Родство и психические запреты у шорцев», «Культ огня у алтайцев и телеутов». Все эти крупные статьи были опубликованы уже в 1926 году в Ленинграде.

В течение восьми лет, почти ежегодно посещает Дыренкова Шорию. Собирая материалы по шорскому фольклору, языку, этнографии и культуре, она где пешком, где верхом на лошади пробирается от улуса к улусу, от стойбища к стойбищу.

Так, героическое сказание «Ак-Каан» и «Оленг-Тайджи» Надежда Петровна записывает у представителей шорского рода Четтибер, проживавших в улусе Томазак (ныне город Мыски), а неделю спустя эпическую поэму «Картыга Перген» выслушивает и записывает в верховьях реки Кондомы у рода Шор. Сказание «Кан Кес» поет ей кайчи из Осинниковского улуса, а поэму «Кан Мерген» Дыренкова записывает от сказителя рода челейцев, представители которых жили тогда в низовьях Мрассу.

Молодая и энергичная исследовательница не ограничивалась записью героических поэм и сказаний. Ей были интересны и короткие охотничьи легенды, и живая современная шорская речь. Поэтому она появляется в стойбищах кайцев, обитавших в верховьях Мрассу и на речке Кубансу; на реке Колзас (бассейн Мрассу) у представителей рода Таяш, в улусе Сага, где проживали каргинцы; гостит у кызыйцев на реке Кобырсу, встречают ее каларцы, проживавшие в улусе Акколь на нижней Мрассу...

С риском для жизни, вдвоем с проводником, через горные

перевалы совершает Надежда Петровна переход из Горной Шории в пределы Хакасии, чтобы услышать и записать речь проживавших там шорцев из родов Кый, Кобый и Карга.

Посещает она и хакасоязычное население: сагайцев, койбалов, маторов, кызыльцев, записывая их живую речь, легенды и сказания. Каждое лето сотни страниц, исписанные латинскими буквами, привозит Дыренкова из Сибири в Ленинград.

Летом 1932 года Надежда Петровна заболела красной волчанкой. Человек, всесторонне образованный, она знала, что для жизни болезнь не опасна. Но ей было известно, что проклятая волчанка может оставить на лице крупные пятна в форме бабочки...

- Неужели стану уродом? – задавала себе вопрос Надежда Петровна.

Болезнь, обостряясь весной и летом, преследовала Дыренкову до конца ее жизни. А окружающие по-прежнему отмечали ее красоту. Широко открытые голубые глаза обрамлялись черными ресницами. Черные тонкие брови контрастировали с пышными русыми волосами.

Высокого роста, стройная, шла ли она по Невскому проспекту в модном платье, шагала ли она в тяжелых сапогах и фуфайке тропами Шории, всегда при виде ее останавливались мужчины. Один старый шорец-кайчи (сказитель) пропел ей нечто вроде комплимента: «Тебя, прекрасная девушка, за красоту твою, которую не найдешь и за девяноста мирами, будет благодарить и само Небо».

Десятилетия спустя мысковские, таштагольские, кабырзинские шорцы вспоминали «прекрасную деву Надежду». Отцы и матери давали в честь ее имена дочерям.

Лето 1932 года было тяжелым для шорцев. Продвигаясь по Томи, Мрассу и Кондоме, не раз встречала исследовательница брошенные стойбища. Голод скашивал шорцев. Помогала, чем могла. Так уж вышло, что экспедиция 1932 года по Шории стала последней для Надежды Петровны.

Материалов было собрано так много, что, по скромным

прикидкам, их хватило бы на десяток книг.

С тридцать третьего года и до конца своих дней, используя собранный этнографический и языковой материал, работает Дыренкова сразу над четырьмя своими главными трудами.

Составляя сборник «Шорский фольклор», Надежда Петровна ясно себе представляла, что в дальнейшем она займется чисто языковыми проблемами. Сборник потребовал особого напряжения сил. Переводить текст было нетрудно, она блестяще владела шорским языком. Но встречались такие обороты (особенно в эпических поэмах), которые доставляли исследовательнице много беспокойства. Приходилось обращаться к ставшим уже классикой трудам знаменитого тюрколога Василия Васильевича Радлова. Она еще девочкой видела не раз на улицах Петербурга этого уже очень пожилого, но подтянутого и стройного «богатыря тюркологии», как впоследствии назвал его наставник Дыренковой и друг Радлова Лев Яковлевич Штернберг.

Незадолго до своей смерти, в 1927 году, уже очень больной, Штернберг настоятельно просил Надежду Петровну не забывать о «гражданском наследии» Радлова. Он тогда добавил еще:

- От этнографии и фольклора ваш путь, Наденька, пойдет в языкознание, в тюркологию. Опорой Вам будет Радлов... И вы обязаны, милая Наденька, доделать то, что он не успел, но замыслил... Когда Василий Васильевич умирал в 1918 году, он просил меня и Малова продолжить работу по составлению словарей тюркских языков Сибири. Прошу Вас не забывать его и мою просьбу.

«Шорский фольклор» был приготовлен к печати уже в 1935 году. Надежда Петровна успела познакомиться с машинописью Алексея Максимовича Горького, который, прочитав героические сказания шорцев, назвал их гениальными, что не могло не вдохновить Дыренкову.

Сданный в набор в 1936 году «Шорский фольклор» был издан только в сороковом, когда уже не существовало Горно-Шорского национального района, когда уже и сама Надежда

Петровна не очень-то верила в выход издания. Тираж сборника был смехотворно мал: восемьсот экземпляров.

К сожалению, этот замечательный свод шорской народной мудрости и до сегодняшнего дня не переиздан, не стал достоянием новых поколений шорцев, произведения его мало кому известны.

Особенностью «Грамматики шорского языка» является ее обстоятельность. К началу 30-х годов шорский язык как литературный еще не сложился, существовали наречия и говоры. Дыренкова сумела отразить в своей «Грамматике» это своеобразие. После каждого грамматического правила автор дает массу примеров, взятых как из живой речи шорцев 20 – 30-х годов, так и из произведений фольклора.

«Грамматика шорского языка», изданная в 1941 году, к сожалению, не пригодилась никому, кроме специалистов-тюркологов, которые и сегодня используют труд Дыренковой в полную меру. Возможно, при возрождении широкой письменности, литературного языка, вообще при восстановлении национальных прав малочисленного народа капитальная работа Надежды Петровны по грамматике, как и шорский фольклор, найдет применение, своих читателей и ценителей.

В 1940 году Дыренкова сумела опубликовать «Грамматику ойротского (алтайского) языка», которая стала настольной книгой не только тюркологов, но и каждого образованного жителя Горно-Алтайской автономной области. В 1941 году Надежда Петровна закончила работу над «Грамматикой хакасского языка», которая вышла в свет только через семь лет.

Весной 1941 года Надежда Петровна вынашивала идею создания «Сравнительной грамматики тюркских языков народов Южной Сибири», мечтала составить русско-шорский и шорско-русский словари, предвкушала работу над «Этимологическим словарем тюркских языков»...

Она даже прикинула, что если проживет еще сорок лет, то успеет создать «Сравнительно-исторический словарь тюркских языков» в восьми – десяти томах, который превзошел бы по объему аналогичный словарь Радлова.

13 июня 1941 года Надежде Петровне исполнилось сорок два года. Вскоре началась война. Талантливый ученый, Надежда Петровна мало интересовалась политикой и не представляла себе, что ее личная жизнь может так круто измениться уже в первые дни и недели начавшейся жестокой бойни.

Человек действия, Надежда Петровна одной из первых в Этнографическом институте записывается в пожарную дружину и вскоре вместе с товарищами участвует в тушении пожаров, возникавших от немецких зажигательных бомб на крыше института.

Приближалась осень, в сентябре немцы блокировали Ленинград, в котором по-прежнему оставались сотни тысяч мирных граждан, об эвакуации которых руководство страны не подумало в летние месяцы и которые были обречены на смерть. Дыренкова о себе, о своей жизни и здоровье никогда не проявляла особой заботы. Ей не пришло в голову эвакуироваться, когда была такая возможность. И вот ученый мирового класса забирается на крышу и с помощью обычного багра пытается тушить пожары, которые вспыхивают то там, то здесь.

Холодные пронзительные ветры с Балтики усиливаются в октябре. Легко одетая для удобства и быстроты движений, Надежда Петровна ловко орудовала багром. Вот уже дня два или три ее одолевал тяжелый кашель, но она сдерживала его. Чувствовала температуру, но успокаивала себя: «Пройдет, пустяки»... И продолжала ходить на работу, участвовать в тушении пожаров. Болело горло, мучили озноб и крупная дрожь. 25 октября 1941 года Дыренкова не пришла в институт. Из-за неразберихи, массовых артиллерийских обстрелов и бомбардировок в тот день никто не смог сходить к Надежде Петровне. 26-го, во время обеденного перерыва, хватились: «Где Надя?»

Обстрела не было. Пошли на квартиру. Дверь заперта. На стук никто не ответил. Позвали постового, взломали дверь. Надежда Петровна была мертвой.

Похоронили ее в тот же день на Волковом кладбище. Некогда было говорить прощальные речи. Вражеские снаряды

рвались и падали рядом.

Злые люди придумали: «Незаменимых нет». Неправда! Почти полвека прошло с того октября, но нет почему-то книг, в частности, словарей, о которых мечтала Дыренкова. В своем деле она была незаменима.

Я ездил по городам Мыски, Осинники, Таштагол, Междуреченск, бывал в шорских и шорско-русских поселках, пытался найти там улочку или хотя бы переулок, носящий имя Надежды Петровны Дыренковой. Таковых пока нет.

Неужели она не заслужила памяти?

Опубликовано в журнале «Литературный Кузбасс» № 4, 1990 г.

НА КРЫЛЬЯХ МУДРОСТИ И ЮМОРА

Главное богатство любого народа – его духовное наследие: язык, эпос, легенды, творения писателей, сказителей, певцов.

Любому народу, пробиравшемуся к сегодняшнему дню неведомыми тропами истории, пришлось побывать тружеником и воином, победителем и побежденным, сытым и голодным... Малочисленный и многомиллионный народы знали и радость творческого труда, но не избежали они и горечи труда подневольного.

Вырывая тайны природы, учась у нее, общаясь со стихиями, любое племя или род приобретали навыки определенного ремесла. Общаясь с соплеменниками, древние открывали в себе и других особенности человеческого характера, познавали на практике сущность добра и зла, правды и лжи, подлости и храбрости, трусости и героизма.

И все это нашло свое выражение еще за тысячи лет до возникновения государства в устном творчестве. Творчество это – наследие свободных людей, не ограниченных рамками социальной или государственной идеологии. И потому, видимо, дошедшие до нас мифы, эпические произведения, меткие высказывания поражают мудростью, яркостью и краткостью, независимо от того, где они созданы: в африканских ли джунглях, в чукотской ли тундре или в отрогах Горного Алатау. Свободный человек творил вечно.

Предлагаем читателю меткие высказывания в форме пословиц, поговорок, раздумий, наблюдений. Принадлежат они

трем родственным тюркским народам, коренным жителям нашей области, - шорцам, бачатским телеутам (живут в Беловском районе) и татарам сибирским (живут на севере области). Все собранные мной афоризмы созданы в очень отдаленные времена. Есть среди них и относительно «молодые», двухсотлетние, но их – единицы.

Напомню читателю, что жизнь трех тюркских народов в далеком и в не совсем далеком прошлом была полна лишений и опасностей. Голод и холод были их постоянными спутниками... Сильные и коварные враги угнетали, грабили, унижали их достоинство. Отзвук трагических событий тех далеких веков есть в пословицах и поговорках, но не уныние и тоска, а ирония и сарказм, мягкий юмор и острая сатира – вот их главное содержание.

Подчас одна пословица противоречит другой, и это может удивить читателя. Но тем и прекрасна жизнь, что в ней есть место разнообразию. Это отлично понимали предки шорцев, телеутов и татар, и потому в маленьком мире их афоризмов уживались противоположные высказывания. Удивительно, но факт – созданные столетия назад пословицы и поговорки и сегодня звучат актуально. Вот, например, шедевр в форме вопроса: «Ты хозяин и я хозяин, но кто же будет чистить лошадь?»

Одни и те же заботы были у людей во все времена. Поэтому и высказывания по своему содержанию перекликаются с подобными творениями других народов. Но колорит их неповторим.

Я и мои информаторы – шорцы, телеуты, татары сибирские, будем счастливы, если ты, читатель, откроешь в себе и других людях что-то новое. Когда хотя бы беглоознакомишься с мудростью аборигенов Кузбасса.

О ЖЕНЩИНАХ, ЛЮБВИ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Без волка леса нет, без изъяна красавицы нет.

Верная жена говорит: «Если ты пойдешь в воду, я стану твоей тростью».

Глупый хвалит свою жену, умный хвалит свою собаку.

Ева хвасталась: я создана из ребра, а Адам – из грязи.

Если умирает дурная жена – постель обновляется, если умирает хорошая жена – сердце стонет.

Если язык ее злой – то сердце мужа ранено, если поведение ее дурное, то сердце мужа черное.

И хорошая жена может создать плохого мужа.

И умная женщина может создать (воспитать) плохого мужа.

Кобыла дороже жены.

Кого отец воспитывает, тот скоблит стрелы, кого мать воспитывает – кроит платье.

Красота дерева – листья, красота женщины – лоскутья.

Кто любит розу – должен любить и шипы.

Ленивая женщина и на свадьбу в чужой юбке идет.

Лучше быть собакой с ошейником, чем жить зятем у тестя.

Муж голова, а жена шея.

Мужчина в матерчатой шапчонке лучше женщины в короне из золота.

Не годится женщину спрашивать о ее имени.

Нет розы без шипов, нет любви без соперников.

Нет леса без шакала, нет красавицы без изъяна.

От розы недаром требуют красоты.

От черных бровей красавицы луна начинает гнуться.

Плохую лошадь можно продать, но как избавиться от плохой жены?

Преждевременно расцветший цветок скоро завянет.

Режь себе палку из своего леса, жену бери из своего племени..

Нетрудно свататься – умирать трудно.

Хорошая жена возвысит и плохого мужа.

О ПИЩЕ НАСУЩНОЙ

Болезнь от пищи, тяжба от брата.

Болезнь от пищи, тяжба от соседа.

Голодному нравится и постная каша.

Дом его высок, а каша его жидка.
Кто стыдится за столом, остается голодным.
Молочный амбар не бывает без мух.
О, сколько забот об одежде и брюхе!
Пищи у меня мало, зато голова без забот.
Человек умнеет, когда заболит живот.

О СЛОВЕ

Берегись не только дурных дел, но и дурных слов.
В благодарность за твое угощение я подарю тебе пословицу.
Во рту не делается сладко, если сто раз сказать слово
«мед».

Все, что твердым было – рассыпется, все, что жидким
было – исчезнет. Только слово писаное будет жить в веках.

Глупый смотрит глазами умного.

Грубое слово ранит, нежное – исцеляет.

Длинный язык укорачивает жизнь.

Доброе слово, что текущая вода. Куда она приходит – там
цветы цветут.

Злое имя – тоже судьба.

Знающему достаточно одного слова, незнающему
(невежде) – тысяча слов нужна.

Если вырвется конь – его поймашь, с уст слово сорвется
– его не поймашь.

Если ласково заговорить – змея из норы вылезет.

Злое имя – тоже судьба.

Кто много говорит – рушит свои зубы.

Кто много говорит – разрушает и язык, и зубы.

Кто много стреляет – еще не стрелок, кто много говорит –
еще не оратор.

Кто надменную речь ведет – тот до вечера не доживет, кто
широко шагает – до двери не дойдет.

Не тот красноречив, кто много говорит.

Огорчительные слова жгут сердце, затупляют разум,
делают человека несчастным.

Пепел осины горек, язык дурного человека едок.

Плохие слова имеют широкие крылья.
Пустые слова хуже мусора.
Пустое слово хуже мусора – метлой не выметешь.
Пусть доброе слово в ухо проникнет, дурное слово пусть ветер унесет.

Сиди криво, говори прямо.
Слова дурного человека большее укуса вши.
Слова великих не падают на землю, пока свет стоит.
Слова умного – глаз для слабоумного.
Слова умного – глаз для безумного.
С двумя вещами человек не старится – это доброе дело и умное слово.

Справедливые слова резки, прямые слова горьки.
Счастлив тот, кто песни поет умело.
Счастлив тот, кто речи говорит умело.
Хороший человек не откажется от сказанного.
Язык выгоден, но и вреден, то славит, то хулит.

О ГЛУПЦАХ И МУДРЕЦАХ

Беззаботный жиреет и от ключевой воды.
Бросил тридцать – подобрал десять.
В окуне нет уха, в глупце нет ума.
Глупый думает, что люди в темноте не сумеют зажечь огонь.

Глупый любит только себя.
Гнев вредит умному.
Для дурака каждый день праздник.
Добром отплатить за добро всякий может. Но за зло отплатить добром может только умный мужчина (человек).
Добрый человек не стареет.
Дурак всюду бесполезен, так отправляй его на войну.
Дурак собирает камни.
Дурака назовешь дураком – он глупость свою увеличит.
Если бы добро оплачивалось всегда добром, старого вола не достиг бы нож.

Если говоришь умному – он слушает, если говоришь

дураку – он смеется.

Если побить дурака, он не поумнеет.

Знающие сильны, как горные реки.

Лучше быть врагом умного, чем другом глупца.

Много тумана от горных вершин, но больше тумана от голов людских.

Можно мудрым родиться, но можно и стать.

Мысли умного умирают, когда он видит безумного.

Надлежит дураку играть на балалайке.

Не делай добра глупцу, не мажь калом чисто место.

Осел, состарившись, не станет главой хлева.

От дурного рождается дурное. Дурным наполняется свет.

Плохой котел через верх шипит, глупый человек лишнее говорит.

Почет не вреден умному человеку.

Разум дороже драгоценного камня.

Ребенок вырастет – глупец не поумнеет.

Разумному часто приходится быть немым.

Разумный всегда именуется мужчиной, будь он слеп, горбат и с одной ногой.

Разумный понимает, знающий только знает.

Рыба начинает думать, попав в сеть.

Спросивший совета проходит сквозь горы. Не спросивший совета теряет дорогу в степи.

Удалились от человека, прославившегося глупостью.

Ум не в голове, а в возрасте.

Ум не выдыхается, золото не ржавеет.

Ум не только в голове, но и в седой бороде.

Умного человека хвалят умные, глупого – глупые.

Умному человеку и лев подчинится.

У него меньше ума (в голове), чем в его шапке.

Человеку, знающему хитрость, и лев подчиняется.

Честь получают умные, глупцы получают стыд.

О БОЛЕЗНЯХ

Болезнь – первое нападение смерти на человека

Если всякий заболевший умер бы, то кто стал бы есть пищу.

Здоровая лисица сильнее больного льва.

Здоровому человеку (молодцу) каждый день праздник.

Здоровому быку плохая солома не повредит.

Кто золото проглатывает – делает это для потомства, кто пищу проглатывает – делает это для себя.

Кто много ест – много болеет.

Чем толще тело, чем короче жизнь.

О РЕЛИГИИ

Бог помогает тем, кто подает руку несчастному.

Вверху Бог велик, а на земле исправник. У Бога нет товарищей.

Девять лошадей не привязывают к одному колу, девять шаманов не обходятся одной ложкой.

Один Бог не падает и не спотыкается.

Почему же некрещеные будут виноваты и попадут в ад?

Разве ты, шаман, святой, что не работаешь?

Шаман, кроме черта, ни во что не верит.

Шаману и дьявол не повредит.

Я надеюсь на Бога, живущего наверху, а подать плачу паштыку (паштык – глава шорского рода, избиравшийся на общем сходе взрослых мужчин).

Я предался службе Богу. Достойно ли мне заниматься людьми.

О ЖИВОТНОМ И РАСТИТЕЛЬНОМ МИРЕ

Без хлеба нет дома, а без собаки – аила.

Воробей не сидит на одной ветке.

Ворона, подражая гусю, вывернула ногу.

Воя собаки не слышит волк, воя волка не слышит Бог.

Всякое животное живет в своем стаде.

Если рыба скучает в воде, рыбак скучает на суше.

Кто боится воробьев, тот не сеет.

Курица сколько не кудахтала – утка ее не поняла.

Ласковый жеребенок сосет сорок кобылиц.
Лисица знает тысячи уловов, а шкуры все равно лишится!
Мясник заботится о жире, баран (козел) – о жизни.
Не все растения могут расти на одной грядке.
Нет народа без воров, нет леса без волков.
Пока жеребенок вырастет, хозяин успеет умереть.
Птицелов не ловит воробьев.
Птицелов не виден, видна его приманка.
Редко посаженная репа лучше густо посаженной.
Рыбак не богатеет.
Рыжая кобыла родит рыжего жеребенка.
Свадебной кашей собака не насытится.
Сытая собака на белку не лает.
Толпа муравьев и верблюда сожрет.
У рыбака руки чистые, у скотовода – лицо.

О БОГАТСТВЕ И ДЕНЬГАХ

Без денег на базар, что в могилу без гроба (савана).
Белые деньги служат черному делу.
Большое имущество – враг. Бойся попасть ему в сети!
Богатого горы боятся.
Велик хвост украденного барана.
Гнев голодного человека опасен.
Дармовое богатство впрок не идет.
Деньги и медведя научат играть на дуде (свирели).
Дешевая говядина вкуса не имеет.
Если богатому нужен огонь, он не задумываясь употребит руку бедняка в качестве черепка.
Если в грязь вступить – след будет, за богатство замуж выйти – скот будет.
Если дашь богатому верх, он потребует подкладку.
Жадность – болезнь, от нее не излечиваются.
Жадный перестает быть голодным, когда умирает.
Имущество – что горькая вода, сколько не пьешь – жажду не утолишь.
Кто богат, тот и начальник.

Кто просит денег у богача – копает яму в море.
Не быть тому судьей, кто у бедного воровал мясо.
Не нюхай цветок, если за это надо платить.
Не смотри с жадностью на этот мир – он останется, а ты
уйдешь из него с раскаянием.

Не чванься, когда ты богат, не унижайся, когда стал бедным.
Новыми долгами не отделаешься от старых.
Приходящие с полными сумами охотно принимаются.
Расточительство – тоже преступление.
Скот богатого человека траву есть, скот бедного – землю.
Скот в степи – имущество в доме.
Спорить с холодом – потерять уши, спорить с властями (с
начальником) – потерять голову.

О ДРУЖБЕ

Дорогой можно пренебречь, другом – никогда.
Кто вместе был на пашне, то не дерется на гумне.
Котел всегда найдет свою крышку.
Котел покатился и нашел свою крышку.
Мы оба кипим в одном сосуде.
Слова друга вызывают плач, слова врага – смех.
Хороший друг познается в черный день.

О МОЛОДОСТИ И СТАРОСТИ

Гни дерево, пока молодо. Старое дерево не гнется.
Как хороши были бы дни молодости, если бы впереди не
маячили годы старости.
Молодая птица летает, а где сесть – не знает.
Молодость и глупость – родные сестры.
Молодость проходит – жизнь утекает.
Пока юноша не сразится – он не возмужает.
Старость и глупость – родные сестры.
Старая лисица не попадет в капкан.
Старые лошади годны для закола, старые люди – для
осмеяния.

О ВОДКЕ

Арака и преступление – близкие родственники.

Араку пьют насильники.

Вино – враг знания и ума, вино побеждает разум.

Водка делает человека диким хоть утром, хоть вечером.

Магомет отнял араку у арабов и подарил ее тюркам, чтоб скорее вымерли.

Напившись араки, человек делается диким.

Теперь сделали пищую водку и дрожат над нею, как над душой отца.

О ПОКОРНОСТИ

Будь послушен высокопоставленным!

Виновного не оправдывай, правого не обвиняй.

Если властитель осторожен, он укрепляет свой народ, побеждает врагов и внушает уважение.

Если злые близки к хану, руки злых удлиняются.

Если вы будете послушны, - проживете дни свои в счастье и годы свои в удовольствии.

Если ты имел много страданий, то и милости будешь иметь.

Если судья – истец, то только Бог будет тебе помощником.

Злой раб не потеряется.

Кого любит хан, пороки того будут добродетелями, кого хан не любит, того добродетели станут пороками.

Мы боязливы, как зайцы и, как рыбы, не можем даже роптать.

Не говори слишком много с людьми, которые выше тебя.

Не тягайтесь с властями!

Одна плеть держит в повиновении тысячи людей.

Претерпевший до конца – спасется.

Против плети коню не устоять, против капли (власти) камню не устоять.

Смотря вверх – думай, смотря вниз – благодари.

Считай народ за овец, а хана – за пастуха.

Терпеливого раба Бог любит.

Хороший раб – сытый раб.

Это цветок – не для твоего носа.

О РАЗНОМ

Барана вешают за бараньи ноги, козла – за козлиные.

Без борьбы сильным не станешь.

Без зла нет добра, без добра нет зла. В зле добро хранится,
в добре зло зреет.

Бесстыдный много говорит.

Быстрая река не бывает без брода.

В битве не обращают внимания на удары кулаками.

В ветреный день росы нет, в раздумье сна нет.

Вместе с сухими дровами горят и сырые, вместе с
виновными страдают и невинные.

В моем дворе огонь, в твоём дворе огонь – всему миру
беда.

В деревню гости приходят, в тайгу гости не приходят.

Верят в рождение, но не верят в смерть.

Верная дорога – прямая дорога.

В пустой бочке много звона.

Время молитвы прошло, время действия настало.

Время пройдет, вода отстоится.

Все, что имеет три ноги – не шатается.

Вспыльчивость – что огонь, сжигает самого всплывшего.

Всякий петух поет на своей навозной куче.

В удобный день гостя не встретишь, когда вооружен –
врага не встретишь.

Вымоченный на дожде не боится капли, вымоченный в
море не боится дождя.

Выносливыми бывают сухие лошади.

Высокая лодка не боится воды.

Гордость делает душу черной.

Гусю мил гусенок, человеку – ребенок.

Грешно проклинать мертвых.

День угощался – сорок дней благодарил.

Дерево падает на ту сторону, куда всю жизнь гнулось.

Держись подальше от бесстыдного человека.

Для пешего и кедровая шишка тяжела.

Добрый человек, хоть и долго живет, ни в чем не раскаивается.

Достигший почета – обязан думать.

Друг без доверия – как корова без молока.

Дурной собаке жиреть вредно, делается еще дурнее.

Если богатый хвастается – его хвалят, если бедный хвастается – его бьют.

Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось в омут.

Если идешь на пиршество – не забудь насытиться заранее.

Если лекарства приносили бы пользу, то лекари оставались бы вечно живыми.

Если лошадь обернется – увидит свой хвост, если человек обернется – увидит свои грехи.

Если между многими стариками есть мальчик, он может стать мудрецом, если между мальчиками есть один старик – он делается мальчишкой.

Если много ходить пешком – пятки сотрутся, если много говорить языком – зубы разрушаться.

Если отец держит сына в строгости, сын скажет спасибо отцу в зрелости.

Если ты нашел что-то в прошлом, то не напрасно искал.

Если соловья держать в клетке, он все равно будет скучать о родине.

Если воспитываешь мальчика, он может окровавить тебе нос и рот, если воспитываешь ягненка, он салом намажет тебе нос и рот.

Если спрячешь уксус – его запах даст о себе знать. Если спрячешь знания – язык выдаст тебя.

Если хорошо *складешь* дрова в костре, то и снег загорится, если плохо *складешь*, то и масло не зажжешь.

Если человек обрабатывает поле – он удлиняет время своей жизни.

Если щука умрет, то зубы ее останутся.

Железная пила полезнее золотой цепи.

Живые поедают плоды земли, земля поедает живых.

Жизнь существует для смерти.
Жизнь, что тайга, - не найдешь ни конца, ни края.
За подъемом следует падение, за высоким – низкое, за горем – радость, за горечью – сладость.
Злой стареет от раскаяния.
Змею лови чужими руками.
Змея появляется всегда неожиданно.
И белого барана вешают за ноги, и черного барана вешают за ноги.
И высокая гора разрушается.
И двадцать чихов мертвому не помогут.
Иди к муравью, ленивый, поучись у него работать.
Издали и бой барабанов приятно звучит.
Из крохотных капель составляется поток.
Имя отца остается за сыном.
Каждый месяц имеет свою траву.
Каждый удар его молота стоит шкурки соболя.
Как бы хорошо ни было злomu сегодня, завтра испытает он муки совести.
Как ты судишь о людях, так и они судят о тебе.
Камыш хорош на своем болоте, сосна – на песчаном пригорке.
Когда бросят в тебя камнем, ты метни маслом и жди последствий.
Когда отец с матерью сердятся – сам Бог сердится.
Кому от болезни умереть, того шаман не спасет, кому от голода умереть, того и богач не спасет.
Корья в мешке не утаишь.
Корень дерева в земле, корень человека в народе.
Крапива обожжет – малина залечит.
Красота лица – отблеск души.
Крупные дрова дают крупный огонь.
Кто боится дыма – попадет в огонь.
Кто дарит – мечтает получить еще больше.
Кто много знает – много ошибается.
Кто не был учеником, тот не может стать учителем.

Кто приходит с гор, в горы и возвращается.
Кто пьянеет от самовозвышения, тот становится дураком.
Кто побывал в городе – у того три дня не спрашивай совета.
Кто тонет в озере – хватается за змею.
Кто сеет мученье, тот его и соберет.
Кто слишком торопится – недалеко уйдет.
Кто умер, оставив доброе дело – то сохранит себя в веках.
Кто хочет зажечь свечу, должен ее иметь.
Кто хочет пить, должен наполнить чашку.
Ленивого мужчину узнают по платью.
Лентяю и порог кажется горным перевалом.
Ложка масла дороже бочки сыворотки.
Лошадь завертит хвостом, когда ее ударят плетью.
Лошадь чистосердечного не худеет, шуба не изнашивается,
достаток не уменьшается.
Луна отражается, когда солнце приближается.
Лучше немного приобрести, чем получить много
хвалебных слов.
Лучше с рысью дружить, чем с мелочным человеком.
Лучше получать удары в степи, чем есть сытную пищу в
клетке.
Лучше умереть, чем прославиться за дурное.
Лучший проводник к озеру – река.
Мертвые не оживают.
Мечом действует воин, пером – миротворец.
Мечом можно завоевать, но удержать завоеванное можно
только пером.
Мир не стареет, люди стареют.
Миску, из которой ты ел, когда был голоден, не забывай,
когда стал сыт.
Молчашему ребенку не дают грудь.
Море перешел, а утонул в ручье.
Мужчина не может быть бесстыдным.
Мыскулы и мысли одного свойства – их нельзя долго
скрывать.
Мысли незнающих, что песок. Стадо там не насытится.

Мысли отца обращены к сыну, а мысли сына – вдаль.
На гнилой веревке не лезут в колодец.
Надейся на хорошее, а лучшего берегись.
Надменность не стоит ни гроша.
На маленькую лошадь всякий сядет.
На чужбине цветы не пахнут.
Не бойся, что не знаешь, бойся, что не научишься.
Не бросай камень в помойную яму – обрызгаешься.
Не води знакомство с богатыми, если ты беден.
Не горевавший горя не знает, не тосковавший тоски не знает.

Не грех заблудиться, если, вернувшись, найдешь свой дом.
Не гляди на то, что вверху в мешке, загляни на дно его.
Не думай много, но работай!
Небо дает земле воду, земля небу – пыль.
Не возвышайте гордецов!
Не думай много, а работай!
Не играй с огнем – обожжешься, не играй с зайцем – устанешь.

Не ищи спокойствия в темнице.
Не кроют платья раньше, чем ребенок родится.
Нельзя торговать тем, чего не имеешь.
Не отрезай хвоста твоей лошади при людях, ибо одни скажут, что он длинен, другие - что он короток
Не предавайся спокойствию – оно приближает смерть, не упивайся сладким – станешь толстым.
Не пускай близко к себе ябедника.
Не рой яму другому – сам попадешь в нее.
Не садись возле котла – измажешься, не садись возле паршивого – заразишься.

Не серп жнет, а уменье жнеца.
Несчастный счастья не принесет.
Не стучи в чужие ворота палкой, а то в твои так же постучат.
Не сымай сапоги, ока не увидишь воду.
Не разоривши пчел, не поешь меду.
Нехворавший не знает боли.

Обращай внимание не на говорящего, а на то, что он говорит.

Огнем не ударишь – трут не загорится.

Огонь горит там, где упал.

Одинокое дерево ветра боится, одинокий человек людей страшится.

Один подснежник не делает весны.

О ком не сплетничают, того не принимают всерьез.

Остерегайся человека, который смеется, когда сердится.

Отдашь долг руками – получишь долг ногами.

От огня убежал, а попал под град.

Пастух заботится о жире барана, баран заботится о жизни.

Первый камень дальше летит.

Перед судьбой и мудрость бессильна.

Пока жив человек – он надеется.

Попрошайничеством не насытишься.

При хорошем соседе и бедняку хорошо.

Проливай кровь, но не делай новых законов!

Против судьбы нет средства.

Пусть мы знаем тех, кто жил раньше нас.

Пущенная стрела не возвращается.

Разбитая дудка не звучит.

Радость и горе идут рука об руку.

Раздвоенный кол в землю не вобьешь.

Разное стекло не клади в один ящик.

Рана других для нераненого, что дыра в чужой стене.

Ребенка, еще не рожденного, к колыбели не примеряй!

Рога растут тише ушей, но вырастают выше.

Севший на смолу замарается смолой.

Сердитый хуже бешеного.

Сильно желающий не спит.

Сильные притоки мутят и могучие реки.

Сладка эта жизнь, горька смерть.

Сладкое знает тот, кто пробовал, далекое знает тот, кто путешествовал.

Смерть победила величавшего себя великим, смерть

победила того, кто называл себя высоким.

Смерть, что распутница – принимает всех без разбору.

Счастье стремится к чистоте.

Счастье и труд неразделимы.

Терпеливые люди достигают своих желаний.

Толстая наковальня не боится молота.

Только котел знает силу огня.

Тот бесстыден, кто на все прямо глядит.

Хлеб несеянный не растет.

У него не только мяса нет, но и воды.

Хороший человек не разбогатеет.

Умереть с хорошей репутацией лучше, чем жить с плохой.

Хоть и плоха, да моя юрта, хоть и постная, да моя еда.

Хоть низкая гора, да зато моя.

Чего в изобилии, то ничего не стоит.

Человек, не знающий своего прошлого, знает одно – что он умрет.

Что бы ты не сделал, свидетель явится.

Шип в отечестве дороже, чем розы на чужбине.

Частично опубликовано в журнале «Литературный Кузбасс» № 3, 1989 г.

К сожалению, труды Владимира Михайловича Шабалина, легшие в основу этого сборника, не снабжены научно-справочным аппаратом. Возможно, список использованных источников был утерян.

Редколлегия.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТИ ДРЕВНИЕ ТЕЛЕУТЫ

(документальное повествование о загадочном народе).....3

ПРОКОПЬЕВСКИЙ РАЙОН

(Очерки по географии и истории района) (отрывок).....73

БОГАТЫРЬ ТЮРКОЛОГИИ В КУЗЕЦКОМ УЕЗДЕ86

ДВОРЯНСКАЯ ДОЧЬ99

НА КРЫЛЬЯХ МУДРОСТИ И ЮМОРА107

ТЕЛЕУТЫ

(Сборник статей)

Шабалин Владимир Михайлович

Редакторы: Ганихина Л.Ф., Иванова Л.В.

Дизайн, верстка: Боронихина О.В.

Ответственная за выпуск Поп Олеся Викторовна

Формат А5, грнитура «Таймс»

© МБУ ЦБСПрокопьевского муниципального района, Иванова Л.В., 2016.

